

МБ

476

Проф. Б. В. ЧРЕДИНЪ.

НАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ГОСУ-
ДАРСТВО И ОСНОВНЫЯ ЭКО-
НОМИЧЕСКІЯ ПРАВА.

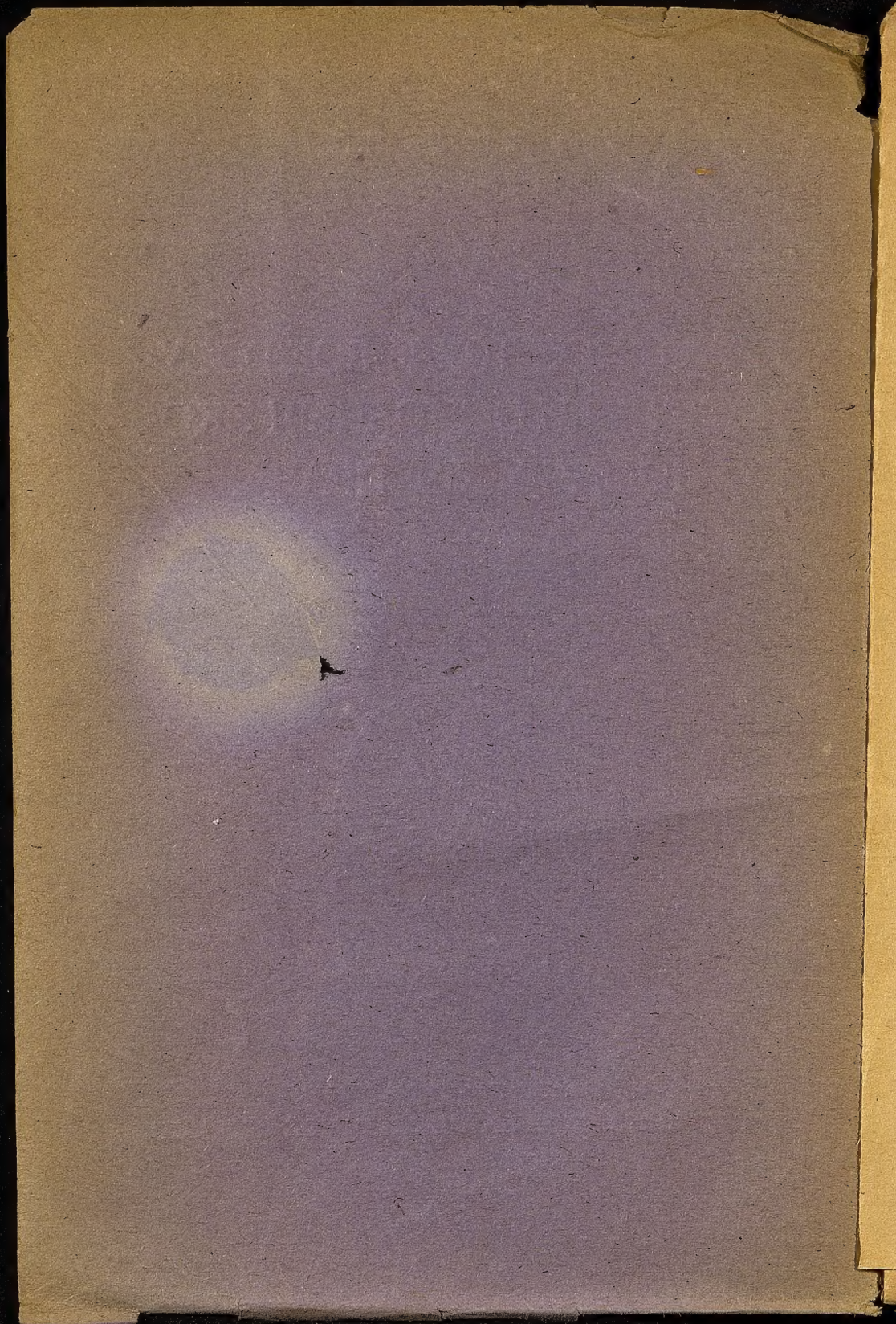

МОСКВА—1918 г.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ.

ЦѢНА 2 руб. 25 коп.

645

МБ

476

Проф. Б. В. ЧРЕДИНЪ.

+

НАРОДНОЕ ТРУДОВОЕ ГОСУ- ДАРСТВО И ОСНОВНЫЯ ЭКО- НОМИЧЕСКІЯ ПРАВА.

МОСКВА—1918 г.

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ.

2500

✓ 702788

МОСКВА.

Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страстн. бульв., Путинков. пер., д. 3.
1918,

Народное трудовое государство и основные экономическія права.

1. Идея государства въ ученіяхъ либерализма.

Въ защиту своего аграрнаго закона Тиберій Гракхъ произнесъ рѣчь, приведшую, по свидѣтельству Плутарха, народъ въ сильное волненіе. «Дикіе звѣри, живущіе въ Италіи», говорилъ Тиберій, «имѣютъ норы и логовища, между тѣмъ какъ люди, умирающіе, сражаясь за Италію, не имѣютъ ничего, кромѣ воздуха и свѣта. Они безъ крова, лишенные постоянного мѣстожительства, бродятъ съ женами и дѣтьми. Полководцы обманываютъ солдатъ, увѣщевая ихъ сражаться съ врагомъ за «могилы предковъ и храмы»—ни у кого изъ столькихъ римлянъ нѣтъ ни отчаго алтаря, ни кладбища предковъ! Солдаты идутъ на войну и умираютъ лишь ради чужой роскоши и богатства. Ихъ называютъ «властелинами вселенной», между тѣмъ какъ у нихъ нѣтъ ни одной глыбы ихъ собственной земли»...

Сохранилась отъ древности характеристика настроеній городского пролетаріата, жаждавшего государственнаго переворота и сочувствовавшего начинаніямъ Катилины. Характеристика эта имѣетъ не одно временное и мѣстное значеніе. Напротивъ, она сохранить свою силу до тѣхъ поръ, пока общество будетъ раздѣлено на богачей и бѣдняковъ. «Всегда въ государствѣ», говоритъ Саллюстій, «тѣ, у кого нѣтъ никакихъ средствъ, завидуютъ благонамѣреннымъ и состоятельнымъ гражданамъ, превозносятъ дурныхъ и неимущихъ, ненавидятъ старое, жаждутъ новаго, вслѣдствіе недовольства своимъ положеніемъ, желаютъ все измѣнить: они беззаботно добываютъ себѣ средства къ жизни смутю и мятежами, такъ какъ нищетѣ нечего терять» (Саллюстій, Заговоръ Катилины, 37,3 Русск. перев. Н. Б. Гольденвейзера. Москва, 1916 г.).—«Нищетѣ нечего терять»—говоритъ Саллюстій, указывая на основу броженія среди пролетаріата, для ко-

того, ничего нѣтъ въ прошломъ и настоящемъ, но все сосредоточено въ будущемъ. Какъ Катилина, давно тому назадъ, убѣждая свое войско повстанцевъ сражаться, заклиналъ его помнить, что побѣда дастъ ему богатство, почести, славу, свободу и отечество, что враждебное ему правительственное войско сражается за могущество немногихъ, такъ вожди современнаго рабочаго движенія повторяютъ могучія заключительныя слова Коммунистическаго Манифеста: «Въ грядущей борьбѣ пролетаріямъ нечего терять. Приобрѣтутъ же они весь міръ!»...

Сохранился, наконецъ, отъ древности замѣчательный отвѣтъ Катилины Цицерону: «Въ государствѣ—два тѣла, одно—слабое съ безсильной головой, другое—сильное, но безъ головы, пусть это второе тѣло поддержитъ меня—и оно, пока я живъ, безъ головы не будетъ» (Цицеронъ. За Мурену, XXV, 51). Катилина намекалъ на имущіе классы и на Сенатъ, какъ на органъ государственной власти и какъ на представителя интересовъ имущихъ классовъ, и на остальной народъ—неорганизованную массу неимущихъ гражданъ. Любопытная и важная подробность—Катилина отвергалъ содѣйствіе рабовъ, которые первоначально сходились къ нему въ лагерь въ большомъ числѣ, полагаясь на свои собственныя силы и считая вмѣстѣ съ тѣмъ неблагопріятнымъ для своихъ интересовъ, если окажется, что онъ смѣшалъ дѣло римскихъ гражданъ съ дѣломъ бѣглыхъ рабовъ (Саллюстій, тамъ же, 56, 5; рѣчь Катилины передъ сраженіемъ—тамъ же, 58).

Изъ приведенныхъ выдержекъ ясно видны и тяга къ землѣ населенія, еще не порвавшего окончательно съ нею связи (*libido agros continuandi*), и стремление къ большому счастью городского пролетаріата (*majoris fortunae cupiditas*), и распадѣніе единого народа на двѣ части, на два враждебные народа, изъ которыхъ у одного—организация, власть и богатство, у другого же—нищета, недовольство и смутное сознаніе силы.¹⁾

Въ несравненно болѣе сложныхъ условіяхъ протекаетъ современное движеніе неимущихъ классовъ, но основныя мотивы недовольства остались тѣ же, что и прежде. Какъ теперь, такъ и тогда, одинъ классъ возстаетъ на другой, присваивая себѣ за-

¹⁾ См. къ излож.—Р. П е л ь м а н ъ. Исторія античнаго коммунизма и социализма. Русскій переводъ въ изд. «Общая исторія европейской культуры» подъ ред. проф. И. М. Гревса, О. Ф. Зѣлинскаго, Н. И. Карѣева и М. И. Ростовцева, 1910 г., ч. II, кн. 2-я; Римъ; гл. V, стр. 560, гл. VI, стр. 570.

лицу правъ всего народа. Часть народа, домогаясь себѣ свободы и противопоставая свою свободу, свободѣ остального народа, говоритъ, тѣмъ не менѣе, за цѣлый народъ. Въ чемъ же заключаются тѣ права, къ которымъ стремятся въ настоящее время неимущіе классы? Въ чемъ состоитъ ихъ свобода? И нѣтъ ли среди этихъ правъ такого, которое не было бы обременено принадлежностью одной лишь группѣ народа, но было бы одинаково дорого каждому гражданину?

Современное социальное движеніе выросло въ рамкахъ правопорядка, основаннаго на идеяхъ свободы и равенства, возвѣщенныхъ Великой Французской Революціей: «Люди рождаются и остаются свободными и равноправными», говоритъ первая статья составленной въ 1789 г. деклараціи правъ челоуѣка и гражданина. Дальнѣйшія статьи ея содержатъ въ себѣ развитіе началъ свободы и равенства. «Цѣль всякаго политическаго общества есть охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ челоуѣка. Эти права суть: свобода, собственность, безопасность и противленіе гнету» (ст. 2). «Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другимъ, поэтому осуществленію естественныхъ правъ отдѣльнаго челоуѣка полагается предѣлъ только необходимою обезпечить за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ закономъ» (ст. 4). «Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право участвовать въ образованіи закона, лично или черезъ своихъ представителей. Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, защищаетъ ли онъ, или караетъ. Такъ какъ всѣ граждане равны передъ нимъ, то всѣ они имѣютъ равный доступъ ко всякимъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ, каждый по своимъ способностямъ, и безо всякихъ другихъ различій, кромѣ различій въ ихъ добродѣтели и талантахъ» (ст. 6). «Такъ какъ право собственности ненарушимо и священо, то никто не можетъ быть лишенъ своей собственности, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда общественная польза, законнымъ порядкомъ удостовѣренная, очевидно, требуетъ этого, и не иначе, какъ подъ условіемъ предварительной уплаты справедливаго вознагражденія» (ст. 17).

Воодушевленный идеей свободы, знаменитый ученый и политическій дѣятель Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ попытался опредѣлить задачу и принципы дѣятельности государства, положивъ въ

основаніе своихъ разсужденій личное начало, которое онъ старался проводить, не останавливаясь передъ самыми крайними выводами. Съ его взглядами чрезвычайно поучительно ознакомиться, ибо они нашли себѣ приверженцевъ среди выдающихся мыслителей и, кромѣ того, знаменуютъ собой цѣлое направленіе общественной жизни. Такіе умы, какъ Милль и Спенсеръ, защищали и углубляли доктрину индивидуализма, столь блестяще изложенную Гумбольдтомъ примѣнительно къ основному вопросу его изслѣдованія. Знакомство со взглядами Гумбольдта, клонящимися къ суженію государственнаго вмѣшательства, поможетъ отчетливѣе представить противоположный взглядъ тѣхъ, кто оправдываетъ самое широкое вмѣшательство государства въ извѣстныя стороны общественной жизни, и уяснить также положеніе государства въ отношеніи къ основнымъ экономическимъ правамъ, общій признакъ которыхъ—требованіе отъ государства положительныхъ услугъ въ пользу личности.

Что должно имѣть въ виду государство—одну ли безопасность гражданъ или вообще все физическое и нравственное благо націи? Таковъ вопросъ, который ставитъ и разрѣшаетъ Гумбольдтъ въ своемъ сочиненіи: «Опытъ установленія предѣловъ государственной дѣятельности» ¹⁾. За исходную точку своего изслѣдованія Гумбольдтъ беретъ отдѣльнаго человѣка и высшія конечныя цѣли его.

Настоящая цѣль человѣка, по опредѣленію Гумбольдта, которую ставитъ ему не перемѣнчивыя наклонности, а вѣчно неизмѣнный разумъ—есть высшее и наиболѣе соразмѣрное развитіе его силъ въ одно цѣлое. Для этого развитія необходимы два условія: свобода и разнообразіе положеній. Истинный разумъ не можетъ желать для человѣка никакого другого состоянія, кромѣ такого, въ которомъ не только каждый отдѣльный человѣкъ пользовался бы самою неограниченною свободою развиваться изъ самого себя и вполне своеобразно,—но въ которомъ и физическая природа не принимала бы никакой другой формы отъ

¹⁾ «Ideen zu einem Versuch die grenzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen». Это сочиненіе Гумбольдтомъ было написано въ 1792 году; оно появилось полностью въ печати лишь въ 1851 г. Русскій перев. приложенъ къ переводу труда Р. Гаймъ. Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ. Описаніе его жизни и характеристика, 1898 г.; имѣется еще переводъ—В. Ф. Гумбольдтъ. Опытъ установленія предѣловъ государственной дѣятельности. Переводъ и редакція А. Н. Паевской, 1908 г.

руки человѣка, кромѣ той, которую ей каждый отдѣльный человѣкъ самъ и произвольно можетъ дать по мѣрѣ своихъ потребностей и наклонностей, ограничиваясь только предѣлами своей силы и своего права. На этомъ началѣ, по мнѣнію Гумбольдта, должна основываться всякая политика.

Одно изъ условій—разнообразіе положеній именно—нуждается въ поясненіи. Его даетъ Лабулэ, одинъ изъ видныхъ представителей французскаго либерализма. «Это послѣднее условіе»,—говоритъ онъ,—«вызываетъ удивленіе, можетъ быть даже его и не поймутъ съ перваго раза. А, между тѣмъ, эта самая оригинальная часть теоріи, одинъ изъ самыхъ глубокихъ взглядовъ, которые когда-либо имѣли государственные люди, этимъ пунктомъ Гумбольдтъ цѣлымъ столѣтіемъ опередилъ своихъ современниковъ. Средневѣковымъ идеаломъ, какъ и идеаломъ вѣка Людовика XIV, было единство во всемъ: въ религіи, нравственности, наукахъ, промышленности. Этого единства стремились достигнуть искусственными средствами, его внушало и поддерживало государство. Но вслѣдствіе такой политики, достигли не того истиннаго единства, которое истекаетъ изъ согласія умовъ, а единообразія, т. е. внѣшняго правила, безсодержательной формулы, которую насильно заставляли принимать, сокрушая всякую оппозицію. Народъ не вѣритъ въ это единообразіе, но молчитъ—это царство молчанія и неподвижности. Совсѣмъ другое дѣло теперь: болѣе точное и истинное понятіе о человѣческой душѣ дало намъ и болѣе вѣрную идею о единствѣ. Въ человѣкѣ, какъ и въ природѣ вообще, мы усматриваемъ безконечное разнообразіе, совокупность же и гармонія этого разнообразія производятъ то живое единство, которое мы ищемъ»¹⁾.

Общее стремленіе государства поднять положительное благосостояніе націи, заботу его увеличить населеніе страны и матеріально поддержать жителей, частью посредствомъ благотворительныхъ учрежденій, частью посредствомъ содѣйствія земледѣлію, промышленности и торговлѣ—все это, по ученію Гум-

¹⁾ Edouard Laboulaye. L'État et ses limites. 4 изд., 1868 г., стр. 50—51. Русск. перев.—Эдуардъ Лабулэ. Государство и его предѣлы. 1867 г., стр. 63—64. О соч. Гумбольдта «Опытъ установленія предѣловъ государственной дѣятельности» Лабулэ отзывается такимъ образомъ: «Лучшее изъ сочиненій, которыя были когда-либо писаны объ истинныхъ принадлежностяхъ государства». Laboulaye, назв. соч., стр. 48; русск. перев., стр. 61.

больдта не соотвѣтствуетъ истинной политикѣ. Изъ круга вѣдѣнія государства онъ исключаетъ всѣ финансовыя и монетныя операціи, запретительные ввозные и вывозные тарифы, поскольку они имѣютъ цѣлью поднять положительное благосостояніе народа. Всѣ государственныя учрежденія, имѣющія цѣлью поддерживать или содѣйствовать физическому благу націи онъ считаетъ вредными. Забота государства о положительномъ благѣ гражданъ препятствуетъ развитію индивидуальности и своеобразности человѣка, поэтому государство должно воздерживаться отъ всякой подобной заботы. Оно не должно дѣлать ни одного шага далѣе, чѣмъ необходимо для безопасности гражданъ другъ отъ друга и отъ внѣшнихъ враговъ. Ни для какой другой цѣли оно не должно стѣснять ихъ свободы. Итакъ, конечная цѣль государственнаго устройства состоитъ въ заботѣ объ отрицательномъ благѣ гражданъ, т.-е. о внѣшней и внутренней безопасности. Государство должно сохранять безопасность, какъ отъ внѣшнихъ враговъ, такъ и отъ внутреннихъ междоусобій.

Рѣзко индивидуалистическую точку зрѣнія Гумбольдтъ поддерживаетъ также, обсуждая такое массовое явленіе, какъ война. Война представляется ему однимъ изъ явленій, въ высшей степени благотѣльно дѣйствующихъ на развитіе человѣчества. При помощи войны дѣятельная нравственная сила закаляется противъ опасности, труда и страданій; сила, которая затѣмъ въ человеческой жизни проявляется и видоизмѣняется, придавая ей значеніе и разнообразіе, безъ которыхъ живость и воспріимчивость становятся слабостью, а цѣльность теряетъ свой смыслъ. Духъ, вызываемый войной, долженъ имѣть возможность распространиться на всѣхъ членовъ націи. Поэтому Гумбольдтъ высказывается противъ постоянныхъ армій, считая вреднымъ то положеніе, когда значительныя части націи живутъ въ мирное время жизнью машинъ. Вѣдь «если вообще воину», говоритъ Гумбольдтъ, «приходится, жертвуя своей свободой, какъ бы превратиться въ машину, то онъ становится ею въ гораздо большей мѣрѣ при нашемъ способѣ веденія войны, при которомъ сила, мужество и ловкость отдѣльнаго лица имѣютъ столь малое значеніе». — Такимъ образомъ, даже въ вопросѣ о войнѣ, состояніи, когда существованіе государства ставится на карту, Гумбольдта не покидаетъ его крайній индивидуализмъ. На войну, съ его точки зрѣнія государство должно выступить не какъ цѣлостный коллективъ, но какъ ско-

пище отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собой индивидовъ. Массоваго характера войны Гумбольдтъ, однако, не видитъ. Спасеніе государства,—таковъ выводъ изъ его ученія—зависитъ не отъ войска въ цѣломъ, а отъ отдѣльныхъ воиновъ. Но такимъ путемъ бытіе государства становится добычею случая. Сила государства, выражающаяся въ войскѣ, скованномъ желѣзной дисциплиной, распыляется. Могучій потокъ разбивается на рядъ отдѣльныхъ ручейковъ. Нужды нѣтъ, что они могутъ течь въ одномъ направленіи! — Не въ томъ дѣло, что Гумбольдтъ высказался противъ постоянныхъ армій. Исчезнутъ ли онѣ, или нѣтъ, отъ этого характеръ веденія войны не измѣнится. Даже ко времени Гумбольдта, по его собственному признанію, войну нельзя было разрѣшить на рядъ единоборствъ.

Забывая о внутренней безопасности, государство должно вполне воздерживаться отъ всякаго стремленія прямо или косвенно вліять на нравы или характеръ націи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ подобное вліяніе естественнымъ и неотвратимымъ образомъ вытекаетъ изъ его остальной дѣятельности, и все то, что можетъ способствовать подобному вліянію, именно всякое особенное наблюденіе за воспитаніемъ, религіозными учрежденіями, всякіе законы по отношенію къ роскоши и т. д., лежатъ внѣ границъ государственной дѣятельности.

Крайне знаменательны соображенія, которыми Гумбольдтъ оправдываетъ свое отрицательное отношеніе къ общественному воспитанію. Оно, по его мнѣнію, вредно, такъ какъ немислимо безъ опредѣленной формы, по образцу которой вырабатывается человѣческій характеръ. Принося челоуѣка въ жертву гражданину, оно препятствуетъ разносторонности развитія. Оно, кромѣ того, бесполезно. «Если воспитаніе», говоритъ онъ, «вообще должно вырабатывать только челоуѣка, не принимая въ расчетъ опредѣленныхъ гражданскихъ формъ, то оно не нуждается въ помощи государства. У свободныхъ людей всѣ ремесла идутъ лучше, всѣ искусства болѣе процвѣтаютъ, всѣ науки быстрѣе развиваются. У нихъ также всѣ семейные узы тѣснѣе, родители горячѣе заботятся о дѣтяхъ и при высшемъ благосостояніи могутъ легче удовлетворять въ этомъ своимъ желаніямъ. У свободныхъ людей появляется соревнованіе и лучшіе воспитатели вырабатываются тамъ, гдѣ ихъ судьба зависитъ отъ успѣха ихъ трудовъ, а не отъ покровительства, котораго имъ приходится ждать отъ государства.

Поэтому не будет недостатка ни въ тщательномъ семейномъ воспитаніи, ни въ заведеніяхъ для столь полезнаго и необходимаго совмѣстнаго воспитанія дѣтей».

Что же такое безопасность, составляющая цѣль и предметъ государственной дѣятельности? Граждане,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Гумбольдтъ,—безопасны въ государствѣ тогда, когда чужія посягательства не служатъ имъ помѣхою въ пользованіи присвоенными имъ правами—будутъ ли эти права касаться ихъ личности или имущества; безопасность, слѣдовательно, состоитъ въ обезпеченности законной свободы. Но эта безопасность нарушается не всѣми тѣми дѣйствіями, которыя служатъ человѣку помѣхою въ проявленіи его силъ или въ пользованіи его имуществомъ, но только такими, которыя дѣлаютъ это въ противность праву. Одни дѣйствія сами по себѣ представляютъ посягательство на чужое право. Другія дѣйствія сами по себѣ права не нарушаютъ, но отъ ихъ послѣдствій можетъ произойти нарушение права. Государство и съ тѣмъ и съ другимъ видомъ дѣйствій борется, или предупреждая оба разряда дѣйствій, или въ случаѣ, если они уже совершены, возлагая обязанность вознагражденія за понесенный ущербъ и возлагая наказанія за совершеніе неправомѣрныхъ дѣяній. Отсюда проистекаютъ полицейскіе, гражданскіе и уголовные законы.

Изслѣдуя начала, на которыхъ должно строиться гражданское законодательство, Гумбольдтъ приходитъ къ выводамъ, чрезвычайнаго показательнымъ для его индивидуалистическаго ученія.—Относительно волеизъявленій—одностороннихъ или взаимныхъ (договоровъ)—на государствѣ лежатъ двѣ главныя обязанности: во-первыхъ, обезпечить исполненіе сдѣланнаго обѣщанія и, во-вторыхъ, отказать въ поддержкѣ закона изъясненіямъ воли, противнымъ праву. Что касается до второй изъ названныхъ обязанностей, то Гумбольдтъ относящіеся сюда случаи дѣлитъ на три категоріи. Къ первой категоріи относятся тѣ случаи, когда обѣщающій не можетъ представить никакого другого средства для принужденія себя къ исполненію обѣщаннаго, кромѣ собственнаго униженія; онъ дѣлается лишь средствомъ для исполненія намѣреній другого лица (напр., договоръ о приведеніи кого-либо въ рабство). Ко второй категоріи относятся тѣ случаи, когда исполненіе обѣщаннаго не находится во власти самого обѣщающаго, вслѣдствіе самой сущности обѣщаннаго (напр., въ вопросахъ, касающихся чувствъ или

вѣры). И, наконецъ, къ третьей категоріи относятся тѣ случаи, когда обѣщаніе, или само по себѣ, или по своимъ послѣдствіямъ, либо дѣйствительно нарушаетъ права другихъ лицъ, либо для нихъ опасно. Въ случаяхъ первой и второй категоріи государство должно просто отказать договорамъ и обѣщаніямъ въ принудительной поддержкѣ законовъ, но въ то же время оно не должно препятствовать ни изъясненіямъ воли подбнаго рода, ни ихъ приведенію въ дѣйствіе, такъ какъ это совершается лишь по взаимному соглашенію. Въ случаяхъ же послѣдней категоріи государство можетъ и должно воспретить уже простое изъясненіе воли.

Въ развитомъ Гумбольдтомъ ученіи о договорахъ, несогласныхъ съ правомъ, сказывается недостаточность ничѣмъ не умѣряемаго индивидуализма. Въ самомъ дѣлѣ, государство осуждается Гумбольдтомъ на бездѣйствіе въ отношеніи къ такому вопіющему нарушенію начала личной свободы, какъ договоръ о предоставленіи себя въ рабство. Съ другой же стороны, государство, съ точки зрѣнія Гумбольдта, должно запрещать договоры не только дѣйствительно нарушающіе права другихъ лицъ, но и просто опасные въ виду возможности такого нарушенія. На первый взглядъ противъ этого положенія ничего нельзя возразить. Оно, однако, есть, въ сущности, выводъ изъ другого положенія, казавшагося прежде непреложнымъ, того, именно, что сила договора простирается, по общему правилу—за немногочисленными исключеніями, не колеблющими самого правила,—только на лицъ его заключившихъ. Это послѣднее положеніе безъ оговорокъ принято быть не можетъ. Оно вѣрно только въ отношеніи сторонъ и третьихъ лицъ, экономически равносильныхъ. Ихъ и имѣетъ, очевидно, въ виду Гумбольдтъ во всемъ своемъ изслѣдованіи. Но современная жизнь выдвинула такіе договоры, которыми налагаются обязанности не только на лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, но и на лицъ, въ нихъ не участвовавшихъ,—такъ называемые коллективные договоры. Подъ контролемъ государства между группами предпринимателей и рабочихъ путемъ соглашенія устанавливаются напередъ тѣ юридическія нормы, которыя должны примѣняться ко всѣмъ предпринимателямъ и рабочимъ, занятымъ въ данной отрасли промышленности. Каждый индивидуальный договоръ этихъ лицъ долженъ удовлетворять общимъ условіямъ, установленнымъ коллективнымъ соглашеніемъ. Какъ бы ни смотрѣть на природу этого соглашенія,—какъ на своеобразный договоръ, или какъ на особое проявленіе

автономіи въ частномъ правѣ,—недостаточность принятаго Гумбольдтомъ личнаго начала и вмѣстѣ съ тѣмъ, выставленнаго имъ въ огражденіе правъ третьихъ лицъ положенія о договорахъ обнаруживается съ полной ясностью: современная жизнь выдвинула такія соглашенія, которыя, съ точки зрѣнія лица, пожелавшаго заключить или исполнить индивидуальный договоръ, несогласный съ условіями, постановленными въ групповомъ соглашеніи, представляются несомнѣнными нарушеніями его права заключать договоры любого содержанія и всѣхъ приобрѣтенныхъ по такому договору правомочій¹⁾.

И въ отношеніи обязанности государства обезпечить исполненіе даннаго обѣщанія, въ отношеніи тѣхъ случаевъ, именно, когда законность договора или изъявленія воли неоспоримы, Гумбольдтъ остается вѣренъ разѣ избранной точкѣ зрѣнія. Въ цѣляхъ болѣе полного изложенія взглядовъ Гумбольдта на основы договорнаго права умѣстно привести здѣсь въ сжатомъ видѣ его соображенія о договорахъ, согласныхъ съ правомъ,—не останавливаясь впрочемъ на разборѣ того, насколько эти соображенія правильны.—И по данному вопросу, какъ было указано, Гумбольдтъ остается вѣренъ избранной имъ точкѣ зрѣнія. Онъ изыскиваетъ мѣры къ тому, чтобы однажды принятое рѣшеніе не стѣсняло бы свободную волю на слишкомъ долгій срокъ. Въ особенности принужденіе вредно, по его мнѣнію, тамъ, гдѣ вслѣдствіе договора возникаетъ такое личное отношеніе, которое требуетъ исполненія не только отдѣльныхъ дѣйствій, но въ точнѣйшемъ смыслѣ касается личности и всего ея образа жизни. Въ этомъ случаѣ уничтоженіе договора должно быть разрѣшено во всякое время и безъ приведенія какихъ бы то ни было оснований. Такъ дѣло обстоитъ въ союзѣ брачномъ. Государство, по словамъ Гумбольдта, должно не только сдѣлать брачныя узы свободнѣе и шире, но и совсѣмъ отстранить свою дѣятельность отъ брака. Этотъ родъ союза долженъ быть предоставленъ свободной волѣ личностей и поставленъ въ зависимость лишь отъ заключаемыхъ ими разнообразныхъ договоровъ, какъ вообще, такъ и въ ихъ видоизмѣненіяхъ.—Тамъ же, гдѣ отношеніе хотя и менѣе близко,

¹⁾ О коллективныхъ договорахъ см.—Ю. С. Гамбаровъ. Свобода и ея гарантіи. 1910 г., § 4, стр. 29 сл.; Л. С. Талъ. Очерки промышленнаго права. 1916 г., особ. § 5 и § 6; е го же. Автономное правотворчество въ частномъ правѣ. «Юридическій Вѣстникъ». 1916 г., кн. XVI (IV), стр. 135—156.

чѣмъ въ брачномъ союзѣ, но гдѣ въ то же время личная свобода столько же стѣсняется,—Гумбольдтъ имѣетъ въ виду, очевидно, договоръ личнаго найма,—тамъ, по его мнѣнію, государство должно было бы назначить срокъ, и въ теченіе этого срока ни одна изъ сторонъ не могла бы въ ютдѣльности отступить отъ договора. По окончаніи же срока договоръ не могъ бы безъ возобновленія повлечь за собой какого бы то ни было принужденія, даже въ томъ случаѣ, если бы стороны, совершая договоръ, и отказались отъ пользованія этимъ правомъ.

Въ области наслѣдственнаго права индивидуалистическая точка зрѣнія приводитъ Гумбольдта къ противорѣчію, которое онъ пытается разрѣшить такъ, чтобы не поступиться интересами личности и оградить вмѣстѣ съ тѣмъ общественное спокойствіе и порядокъ.—Съ прекращеніемъ существованія лица,—утверждаетъ онъ,—перестаетъ существовать и право. При жизни человѣкъ имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію. Но онъ не имѣетъ никакого права опредѣлять, какъ должно быть поступлено съ его имуществомъ послѣ его смерти, ибо это связывало бы свободу дѣйствія другихъ лицъ. Отсюда выводъ—государство должно уничтожить право дѣлать посмертныя распоряженія. Съ другой стороны, спокойствіе и порядокъ дѣлаютъ невозможнымъ, чтобы всякій желающій завладѣвать имуществомъ умершаго. Отсюда выводъ—государство должно установить порядокъ наслѣдованія безъ завѣщанія. Но это значитъ дать государству въ руки могущественное средство къ подавленію личной свободы. Это противорѣчіе съ исходнымъ началомъ, положеннымъ Гумбольдтомъ въ основаніе своего изслѣдованія, разрѣшается, по его мнѣнію, тѣмъ, что посмертныя распоряженія должны заключать въ себѣ только опредѣленія о томъ, кто непосредственно долженъ сдѣлаться обладателемъ наслѣдства, т.-е. назначеніе наслѣдника; но опредѣленіямъ относительно того, какъ наслѣдникъ долженъ распоряжаться наслѣдствомъ, кому въ свою очередь оставить и какъ вообще надлежитъ ему поступить съ наслѣдствомъ, нѣтъ мѣста въ завѣщаніяхъ. Если завѣщатель не назначилъ наслѣдника, то государство должно установить порядокъ наслѣдованія безъ завѣщанія. Но и здѣсь государство не должно, по мысли Гумбольдта, преслѣдовать положительныхъ цѣлей, напр., поддержаніе блеска и благополучія фамилій, раздробленіе имущества черезъ умноженіе владѣтелей, даже помощь

тѣмъ, которые наиболѣе нуждаются. Исходя изъ понятія о совмѣстномъ владѣніи при жизни завѣщателя, государство должно принять во вниманіе сперва права семейства, затѣмъ общины и т. д.

Ограниченіе свободы завѣщательныхъ распоряженій, равно какъ установленіе порядка и границъ наслѣдованія по закону, можетъ быть предпринято какъ въ личныхъ, такъ и въ общественныхъ интересахъ. Разсужденія Гумбольдта наглядно вскрываютъ то внутреннее противорѣчіе, которымъ пораженъ безграничный индивидуализмъ. Въдъ изъ начала личности одинаково послѣдовательно вытекаетъ и безусловная свобода завѣщательныхъ опредѣленій и полная невозможность какихъ бы то ни было распоряженій на случай смерти. Дѣло вѣситъ ютъ того, на чью точку зрѣнія встать. Если встать на точку зрѣнія завѣщателя, то свобода его распоряженій на случай смерти составитъ для него высшее утвержденіе индивидуальнаго начала. Если же встать на точку зрѣнія лицъ, завѣщателя пережившихъ, то тогда, дѣйствительно, завѣщаніе иногда покажется имъ гнетомъ надъ ихъ личностью и въ ихъ устахъ будетъ понятно то положеніе, что съ прекращеніемъ лица перестаетъ существовать и право. Но какая точка зрѣнія правильнѣе,—этотъ вопросъ собственными силами индивидуализмъ разрѣшить не можетъ. Сочетаніе личнаго и общественнаго начала одно только дастъ ему разрѣшеніе. Иначе одинаково правильно будетъ и «тонкое хитроуміе римскихъ юристовъ», отразившееся, по словамъ Гумбольдта, въ современныхъ ему законодательствахъ, которыя онъ порицаетъ, и запрещеніе всякихъ распоряженій на случай смерти. Недаромъ Гумбольдту пришлось принять въ расчетъ «спокойствіе и порядокъ». Но этимъ вопросъ былъ имъ самымъ перенесенъ въ сторону общественнаго начала.

Столь же одностороненъ Гумбольдтъ въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ юридическимъ лицамъ. Такъ какъ юридическія лица представляютъ собой, независимую отъ количества входящихъ въ ихъ составъ членовъ, единицу, которая только съ незначительными измѣненіями продолжаетъ существовать въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, то, по мнѣнію Гумбольдта, отъ нихъ зависятъ по меньшей мѣрѣ всѣ тѣ вредныя послѣдствія, какія онъ усматривалъ, обсуждая завѣщательныя распоряженія. Существеннымъ недостаткомъ юридическихъ лицъ Гумбольдтъ считаетъ возможность принужденія по уставу общества всѣхъ сочленовъ противъ ихъ воли къ тому или другому употребленію общественныхъ

средствъ и, кромѣ того, возможность воли меньшинства, въслѣдствіе необходимости по уставу единогласнаго рѣшенія вопросовъ, связывать волю большинства.

Главное, что ждетъ Гумбольдтъ ютъ государства, заключается въ признаніи каждаго юридическаго лица или общества ничѣмъ другимъ, (какъ соединеніемъ имѣющихся въ данное время сочленовъ, которымъ поэтому ничто не могло бы служить помѣхою рѣшать по своей волѣ и по большинству голосовъ всѣ вопросы, касающіеся употребленія общественныхъ силъ и средствъ.

Въ этомъ взглядѣ Гумбольдта на юридическихъ лицъ опять-таки сказывается его чрезмѣрный индивидуализмъ. Кромѣ интересовъ лицъ, живущихъ въ данное время, онъ ничего не хочетъ видѣть. Для него не существуетъ правовой связи между вереницами смѣняющихся другъ друга поколѣній. И въ этомъ, несомнѣнно, кроется умаленіе личности, а не ея возвышеніе. Въдѣ только тогда личность достигаетъ въ развитіи своемъ полного совершенства, когда она сознаетъ себя продолжателемъ дѣла, начатаго ея предками, и своими трудами стремится углубить основу для работы будущихъ поколѣній. Преемственность въ трудѣ поколѣній—залогъ успѣха въ личномъ развитіи. Право не можетъ остаться въ сторонѣ отъ этого, и въ формѣ института юридическихъ лицъ даетъ внѣшнее выраженіе единству развитія челоуѣчества. Разумѣется, интересы отдѣльныхъ личностей терпятъ иногда ущербъ въ юридическихъ лицахъ. Отсюда—сложнѣйшая проблема объ огражденіи ихъ. Но эта проблема должна разрѣшиться въ предѣлахъ, а не внѣ проблемы юридическаго лица. И, во всякомъ случаѣ, принципъ большинства не даетъ полного разрѣшенія задачи. Въ противовѣсъ ему можно выдвинуть то или другое обезпеченіе правъ меньшинства. Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить, что, говоря о юридическихъ лицахъ и высказываясь при этомъ за принципъ большинства, Гумбольдтъ былъ не вполне послѣдователенъ. Изъ его исходной точки зрѣнія вытекаетъ, что вообще въ союзахъ для рѣшенія дѣлъ необходимо согласіе каждаго отдѣльнаго члена. Передъ такимъ выводомъ Гумбольдтъ не останавливается, обсуждая значеніе добровольныхъ союзовъ, преслѣдующихъ положительное благо своихъ членовъ. По его мнѣнію лучше, если ради частной, совершенно опредѣленной необходимости будетъ заключаться отдѣльный такой союзъ, чѣмъ если будутъ заключаться союзы болѣе общіе въ виду неопредѣленныхъ будущихъ случаевъ. Та-

кимъ путемъ принципъ большинства, неизбежный въ обширныхъ союзахъ, не найдетъ примѣненія и личность не будетъ подавлена. Это вполне отвѣчаетъ принятому Гумбольдтомъ основному началу, но вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ, что такіе союзы никогда не должны имѣть свойствъ юридическаго лица. Въдѣ для юридическихъ лицъ Гумбольдтъ дѣлаетъ уступку. Для нихъ онъ допускаетъ рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ. Идя далѣе и сохраняя вѣрность разъ принятому исходному положенію, Гумбольдтъ долженъ былъ бы придти къ тому заключенію, что никакой союзъ не долженъ приобрести свойствъ юридическаго лица, ибо принципъ большинства въ концѣ-концовъ можетъ повлечь за собой подавленіе личности во всякомъ союзѣ, какую бы цѣль онъ ни преслѣдовалъ, надѣленіе же союза свойствами юридическаго лица, съ точки зрѣнія Гумбольдта, сопряжено съ допущеніемъ принципа большинства для рѣшенія дѣлъ. — Непонятно, далѣе, почему Гумбольдтъ насилія меньшинства надъ большинствомъ въ юридическихъ лицахъ опасается, но возможное насиліе большинства надъ меньшинствомъ тамъ же самъ устанавливаетъ.

Сображенія Гумбольдта поражаютъ такое юридическое лицо, какъ государство. Государство не мыслимо безъ высшей, не терпящей противорѣчій власти. Опасаясь слишкомъ сильнаго вліянія государства на характеръ народа, Гумбольдтъ свелъ его задачу къ заботамъ объ отрицательномъ благѣ гражданъ. Онъ видѣлъ, что достиженіе высокихъ цѣлей требуетъ единства организаціи. Онъ видѣлъ также, что предупрежденіе и отвращеніе большихъ бѣдствій, какъ голодъ, наводненіе и т. д. требуютъ того же самаго. Но изъ опасенія передъ государственной властью онъ предпочитаетъ достиженіе этого единства не учрежденіями государственными, а народными союзами, какъ болѣе свободной формой человѣческихъ соединеній. Здѣсь онъ остается вѣренъ себѣ. Какъ было указано, по его мнѣнію, лучше, если ради частной, совершенно опредѣленной необходимости будетъ каждый разъ заключаться отдѣльный союзъ, чѣмъ если будутъ заключаться союзы болѣе общіе, въ виду неопредѣленныхъ будущихъ случаевъ. Забота Гумбольдта объ отдѣльномъ индивидѣ заставляетъ его идти по пути разрушенія общественныхъ связей. Индивидъ замыкается въ себѣ, имъ овладѣла общество-боязнь. Въ кажущейся силѣ индивида, берущаго почти все на себя, кроется его величайшая слабость, страхъ и недовѣріе къ самому себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, государство—эта высшая форма человѣческаго общенія—для личности, какъ она рисуется Гумбольдту, представляется чѣмъ-то мучдымъ. Ей чудятся всякія бѣды отъ государства. Спасеніе для нея—только въ самой себѣ. Но это отрѣшеніе отъ государства жестоко мститъ за себя. Для государства—таковъ выводъ изъ ученія Гумбольдта—наличность того или другого индивида—дѣло случая. Въ какихъ условіяхъ живетъ индивидъ, да и живетъ ли онъ,—для государства безразлично. Имѣются человѣческія существа,—должно быть и государство, направляющее свою дѣятельность къ тому, чтобы они не перерѣзали другъ друга, хотя, по ученію того же Гумбольдта, человѣкъ въ сущности болѣе склоненъ къ человѣколюбивымъ, чѣмъ къ себялюбивымъ дѣйствіямъ. Нисколько не заботясь о существованіи своихъ членовъ, опираясь на него, какъ на простой фактъ, само государство становится институтомъ случайнымъ. Оно не укрѣпляетъ того фундамента, на которомъ само зиждется—непрерывнаго изъ поколѣнія въ поколѣніе продолжающагося существованія человѣческихъ жизней.

Гумбольдтъ вѣдѣлъ, что его точка зрѣнія, будучи послѣдовательно проведенной до конца, повлечетъ за собой устраненіе государства отъ заботъ относительно подрастающаго поколѣнія, а тѣмъ самымъ обречетъ народъ на вымирание, а государство на гибель. Поэтому для несовершеннолѣтнихъ ему пришлось сдѣлать исключеніе. Эти лица требуютъ въ точномъ смыслѣ положительной заботы объ ихъ физическомъ и нравственномъ благѣ и для нихъ недостаточно чисто отрицательнаго поддержанія безопасности. Забота о положительномъ благѣ несовершеннолѣтнихъ ложится на государство, въ особенности въ видѣ надзора за правильнымъ осуществленіемъ родителями ихъ власти, а въ случаѣ ихъ смерти за выборомъ и дѣйствіями опекуновъ. Государство дѣлается какъ бы верховнымъ опекуномъ несовершеннолѣтнихъ. Но и здѣсь Гумбольдтъ не хочетъ слишкомъ отступать отъ даннаго имъ опредѣленія задачъ государственной дѣятельности. Было бы хорошо, по его мнѣнію, передать въ вѣдѣніе юстиціи выполнение частныхъ дѣлъ надзора по опекамъ. Какъ бы то ни было, когда рѣчь зашла о лицахъ, воочію нуждающихся для сохраненія ихъ существованія въ посторонней поддержкѣ, основная точка зрѣнія Гумбольдта на задачи государства оказалась для него самого безсильной. Онъ вынужденъ былъ отступить отъ нея.

Чѣмъ же обеспечивается существованіе полноправныхъ гражданъ въ государствѣ, построенномъ по образцу, начертанному Гумбольдтомъ? Ихъ свободной дѣятельностью, созидающей частную собственность. Всякое государственное имущество, какое бы оно ни было, Гумбольдтъ считалъ вреднымъ. Собственность и свобода взаимно поддерживаютъ другъ друга: «Идея собственности усиливается съ идеею свободы, въ то же время несомнѣнно, что наиболѣе энергическою дѣятельностью мы обязаны чувству свободы».

Гумбольдтъ не развилъ своихъ взглядовъ на собственность. Это сдѣлалъ его послѣдователь—Лабулэ, взгляды котораго на этотъ счетъ особенно примѣчательны, ибо они высказаны въ связи съ вопросомъ о значеніи общества въ дѣлѣ созиданія собственности и, кромѣ того, изложены въ сочиненіи, имѣвшемъ цѣлью выяснить для своего времени основныя начала и программу либерализма.

Лабулэ смотритъ на собственность, какъ на одинъ изъ элементовъ свободы. Государство чрезвычайно заинтересовано въ обеспеченіи за собственностью полной безопасности. «Какъ же обстоитъ съ этимъ дѣло во Франціи?»—спрашиваетъ Лабулэ. Отвѣтъ Лабулэ на этотъ вопросъ замѣчательнъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, французской революціей не все было сдѣлано въ направленіи къ снятію узъ съ частной собственности. Изъ его отвѣта видно также, въ чемъ, по его мнѣнію, заключается помѣха въ надлежащемъ развитіи собственности. «Съ 1789 года»,—говоритъ онъ,—«идея частной собственности ослабѣла. Въ первые дни революціи, вслѣдствіе ненависти къ феодализму или же вслѣдствіе ошибочнаго пониманія римской и греческой античной жизни, на собственность высказывался тотъ взглядъ, что она представляетъ собой социальную привилегію, устанавливать для которой правила и сокращать которую государство можетъ по своему усмотрѣнію»¹⁾.

На самомъ же дѣлѣ, собственность есть продуктъ человѣческой дѣятельности. Созидая свое достоинствѣ, собственникъ ни у кого ничего не отнимаетъ, а, слѣдовательно, ни передъ кѣмъ ничѣмъ не обязывается. Собственность принадлежитъ тому, кто ее создалъ, или его потомкамъ, ибо онъ трудится для нихъ. Ошибочно думать, что общество обогащаетъ собственника. Наоборотъ,

¹⁾ Edouard Laboulaye. Le parti liberal, son programme et son avenir. 1864 г., стр. 32.

собственникъ обогащаетъ общество. «Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о домѣ, о заводѣ, о машинѣ, объ орудіи, о какомъ-либо капиталѣ, право всегда гласитъ одно и то же: произведеніе принадлежитъ производителю. Оно принадлежитъ ему, такъ какъ является продуктомъ его труда и его бережливости, такъ какъ онъ дѣйствительно создалъ его въ потѣ лица своего и такъ какъ безъ него оно не существовало бы. Отсюда ясно, что свобода и собственность походить на дерево и плодъ; свобода—это посадка, собственность—это сборъ. Затронуть одну—значитъ затронуть другую и убить однимъ ударомъ ихъ обѣихъ. Опытъ подтверждаетъ это. Какія страны свободны? Тѣ, которыя уважаютъ собственность. Какія страны богаты? Тѣ, которыя уважаютъ свободу. Въ зависимости отъ того, слѣдовательно, какъ смотрѣть на собственность,—какъ на монополію, пожалованную государствомъ нѣсколькимъ привилегированнымъ лицамъ, или какъ на созданіе личности,—законодательство, государственный строй, все строеніе общества будутъ различны. Если посмотрѣть на собственность, какъ на изобрѣтеніе закона, то она станетъ ненавистной такъ же, какъ ненавистны всякія монополіи, капиталистъ будетъ ославленъ, какъ грабитель, тѣмъ, у кого ничего нѣтъ, и государство сочтетъ себя свободолюбивымъ, опредѣляя высоту процентовъ, преслѣдуя кулаковъ, обременяя налогами землю, капиталы и наслѣдства, не замѣчая въ то же время, что, нанося удары собственности, оно вмѣстѣ съ тѣмъ, поражаетъ свободу. Наоборотъ, если посмотрѣть на собственность и капиталъ, какъ на богатства, созданныя индивидумомъ и внесенныя имъ въ общество, которое преуспѣваетъ отъ этого, то собственность станетъ для всѣхъ священнымъ правомъ, и законодатель будетъ уважать ее, какъ одно изъ проявленій свободы. Изъ двухъ описанныхъ обществъ, въ первомъ будутъ господствовать среди бѣдныхъ ненависть, среди богатыхъ страхъ, въ администраціи насиліе и корыстолюбіе, повсюду—нищета. Во второмъ будетъ господствовать трудъ, онъ будетъ плодотворенъ и въ то же время почетенъ. Богатство и Свобода, увеличивая и поддерживая другъ друга, снизойдутъ до народныхъ низинъ и принесутъ туда вмѣстѣ съ собою дѣйствительное освобожденіе—то освобожденіе, которое избавляетъ человѣка отъ невѣжества и лишеній» ¹⁾).

¹⁾ Edouard Laboulaye. Le parti liberal, стр. 34—36.

Прежде всего, тотъ примѣръ, который привелъ Лабулэ въ доказательство вреда отъ взгляда на собственность, какъ на привилегію, не совсѣмъ точенъ. По словамъ французскаго ученаго Саньяка, изслѣдовавшаго частно-правовое законодательство эпохи Великой Французской Революціи, двѣ социальныя теоріи обращались въ теченіе всей революціи: теорія естественныхъ правъ и природы—въ качествѣ рациональнаго идеала, который долженъ одержать верхъ надъ предрасудками тираніи и несправедливыми принципами общества—и теорія всемогущества государства. Первая теорія господствовала въ 1789 г., затѣмъ мало-по-малу преобладаніе досталось второй. Въ 1789 г. человѣкъ привлекалъ къ себѣ столько же вниманія, сколько государство, и даже больше, чѣмъ государство; въ 1793 г. государство было постановлено выше гражданина, а гражданинъ выше человѣка. Но оба принципа существовали и смѣшивались другъ съ другомъ. Они оба клонились къ разрушенію и созиданію заново общественнаго строя. Оба они различными путями направлялись къ одной цѣли—счастью человѣчества. По словамъ того же ученаго, индивидуализмъ, претерпѣвъ измѣненія, существовалъ во время всей революціи¹⁾. Какъ бы то ни было, въ результатъ французской революціи появился кодексъ Наполеона, въ основаніе котораго положенъ взглядъ на собственность, какъ на право наиболѣе полного и исключительнаго господства лица надъ вещью.

Но дѣйствительно ли собственность есть результатъ однихъ только личныхъ усилій?—Личная инициатива и предприимчивость получаютъ большой размахъ, когда дѣятель знаетъ, что его заботы и хлопоты не пропадаютъ для него даромъ. Но позволительно ли отсюда сдѣлать тотъ выводъ, что только благодаря личнымъ усиліямъ, что только благодаря личному труду создается собственность? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ явствуетъ изъ факта совместнаго жительства людей. Если бы человѣкъ съ рожденія жилъ въ уединеніи, въ пустынѣ или на необитаемомъ островѣ, то тогда, дѣйствительно, все то, что онъ создалъ бы, составило бы плодъ исключительно его личныхъ усилій, дарованій и труда. Но и Робинзонъ, попавъ на свой островъ, уже обладалъ тѣмъ запасомъ потребностей и свѣдѣній, необходимыхъ для ихъ удовлетворенія, какой можетъ дать только общество. Направленіе,

¹⁾ P. H. Sagnac. La Législation civile de la Révolution Française. 1899 г., стр. 43, 36.

какое принимаетъ человѣческая дѣятельность, зависитъ отъ общества. Очутившись на необитаемомъ островѣ, можно питаться кореньями, ночь проводить подъ деревьями или подъ открытымъ небомъ, но можно приручить животныхъ, постараться высѣчь огонь и построить себѣ хижину. Какъ поступить отшельникъ, опредѣлится въ зависимости отъ того, насколько сильны еще въ немъ связи съ обществомъ. Таково положеніе дѣла, когда человѣкъ, противъ своей воли или добровольно, удаляется изъ общества. Въ еще большей степени общество оказываетъ вліяніе на человѣка, когда онъ въ немъ остается. Оно вкладываетъ въ него большинство потребностей и раскрываетъ передъ нимъ средства къ ихъ удовлетворенію.

Кромѣ знанія того, надъ чѣмъ и какъ надо трудиться, общество внушаетъ еще сознаніе, что трудъ, овеществляясь въ созданномъ предметѣ, покроетъ нужды работника не сегодня только, но и завтра, и послѣ завтра. Для созданія собственности необходима увѣренность, что однажды произведенный продуктъ непрестанно, вплоть до своего уничтоженія, будетъ обслуживать нужды своего творца, и что въ случаѣ, если продуктъ будетъ отчужденъ, выручка пойдетъ отчуждателю съ тою же цѣлью покрыть его нужды. Сознаніе длительной и прочной связи между человѣкомъ и вещью можетъ дать только общество. Оно такъ и поступаетъ, устанавливая институтъ частной собственности, т.-е. совокупность правилъ, опредѣляющихъ длительное «вѣчное и потомственное» отношеніе человѣка къ вещи. На этой основѣ развивается дѣятельность отдѣльныхъ собственниковъ, усиліями которыхъ накапливается запасъ свѣдѣній, создаются образцы для подражаній, а отсюда пробуждается соревнованіе,—однимъ словомъ, каждый изъ собственниковъ въ отдѣльности воздѣйствуетъ на всѣхъ нихъ вмѣстѣ, и наоборотъ.

Наименованіе «собственность» прилагается къ вещамъ, составляющимъ въ своей совокупности имущество даннаго лица, и къ основанному на опредѣленныхъ правилахъ господству лица надъ вещью. Правила дать и обезпечить господство можетъ только общество. Для приобрѣтенія этого господства отъ заинтересованнаго лица требуются надлежащія дѣйствія, но они, независимо отъ общества, естественно, не производятъ ровно никакого юридическаго эффекта. Въ обществахъ отшельниковъ, есть фактическое обладаніе вещами, но нѣтъ юридическаго надъ ними господства

Робинзонъ былъ обладателемъ сравнительно многихъ вещей, но собственникомъ ихъ не былъ. Только общество могло превратить его обладаніе въ собственность. Какъ юридическій институтъ и какъ юридически обезпеченное господство лица надъ вещью, собственность возможна только въ обществѣ и черезъ общество, или, точнѣе, въ государствѣ и черезъ государство, ибо государство есть соотвѣтственнымъ образомъ организованное общество.—Дѣло созданія вещей прежде всего требуетъ личныхъ усилій, но ими одними опять-таки не исчерпывается. Необходимо еще участіе общественныхъ силъ, въ какой бы формѣ и въ какой бы степени это участіе ни проявлялось.

Взаимодѣйствіе личнаго и общественнаго начала даетъ о себѣ знать, хотя и не вполне отчетливо, въ обществѣ, подѣленномъ на замкнутыя хозяйства, гдѣ все производится и потребляется въ предѣлахъ данной хозяйственной единицы. Взаимодѣйствіе между личностью и обществомъ сказывается здѣсь въ общемъ укладѣ хозяйственной жизни, въ сохраненіи каждымъ собственникомъ издавна заведенныхъ пріемовъ работы и въ заимствованіи отъ сосѣдей того новшества, которое было испытано на опытѣ и оправдало себя. Въ обществѣ съ развитымъ хозяйственнымъ оборотомъ всякій продуктъ дѣйствительно заслуживаетъ названія общественнаго продукта, ибо разрозненныя личныя усилія, какъ бы велики они ни были, становятся или сами по себѣ недостаточными для его изготовленія, или же не оправдываютъ себя безъ судѣйства общества, въ видѣ ли раздѣленія труда, простого сотрудничества, или, наконецъ, въ видѣ одновременнаго исполненія нѣсколькими работниками, на виду ихъ всѣхъ, совершенно самостоятельныхъ операций. Трудясь въ одно время и въ одномъ мѣстѣ, работники подаютъ другъ другу въ работѣ примѣры, ихъ личныя усилія крѣпнутъ, производительность ихъ труда повышается. Признаніе за производствомъ продуктовъ общественнаго характера нисколько не должно, впрочемъ, умалять значенія личныхъ усилій, ибо безъ нихъ немислимо образованіе коллективной силы, возникающей изъ соединенія личныхъ силъ. Что же касается до раздѣленія труда, то оно обособляетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ связываетъ не только отдѣльныхъ работниковъ, но цѣлыя группы лицъ; даже между государствами замѣчается въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства распределеніе отдѣльныхъ сторонъ работы. Народное хозяйство становится міровымъ хозяйствомъ.

Въ зависимости отъ взгляда на собственность, по мнѣнію Лабулэ, измѣняется строеніе общества. Гдѣ уважается собственность, какъ продуктъ личныхъ усилій, тамъ богатство и свобода избавятъ народъ отъ лишеній. Но такъ ли это? Вѣдь уваженіе къ собственности со стороны частныхъ лицъ означаетъ только воздержаніе ихъ отъ посягательствъ на нее. Уваженіе къ собственности со стороны государства ничего другого означать не можетъ, кромѣ охраны приобрѣтеннаго права собственности отъ посягательствъ и предоставленія всѣмъ равной возможности къ приобрѣтенію. Этимъ исчерпываются обязанности государства по отношенію къ собственности. Однако, дѣлаетъ ли бытовая и правовая обезпеченность собственности то или другое лицо собственникомъ? Конечно нѣтъ. Требуется еще, по мысли Лабулэ и по существу дѣла, еще усиліе со стороны того, кто добивается стать собственникомъ. Необходимо намѣреніе приобрѣсти собственность и соотвѣтствующія дѣйствія. Но возникаетъ дальнѣйшій вопросъ: «даетъ ли исходъ личнымъ усиліямъ къ приобрѣтенію собственности общественный строй, основанный на принципѣ частной собственности?» Иначе говоря, всѣ ли, при господствѣ начала частной собственности, могутъ въ дѣйствительности стать собственниками, подъ условіемъ, понятно, затраты личныхъ усилій и личного труда? Безусловно, нѣтъ—этотъ отрицательный отвѣтъ коренится въ природѣ частной собственности, независимо отъ взгляда на нее, какъ на личный или общественный продуктъ.

Господство частной собственности предполагаетъ распредѣленіе народнаго богатства между отдѣльными строго опредѣленными лицами. Богъ границъ есть по-истинѣ богъ собственниковъ. Все раздѣлено и обособлено, все приурочено къ обладателямъ. Личности собственниковъ мѣняются, объемъ ихъ имущества становится то больше, то меньше. Но остается неизбѣжнымъ само начало закрѣпленія всѣхъ вещей за опредѣленными обладателями. Количество собственниковъ однако не равняется количеству населенія. Нѣкоторая часть населенія всегда должна остаться на положеніи неимущихъ, ибо распредѣленіе общаго количества имуществъ не идетъ вровень съ увеличеніемъ числа ѣдоковъ. Къ появленію на свѣтѣ человѣческаго существа, обойденнаго судьбою, всѣ земельныя богатства, всѣ орудія и средства производства, а соотвѣтственно, и продукты уже разобраны. Въ этомъ заключается одна изъ причинъ роста нищеты. Кромѣ того, кон-

курренція между самими собственниками, особенно развитая въ области промышленности, всегда может поставить прежнихъ собственниковъ въ ряды неимущихъ. Самая неудачная попытка выйти изъ этого положенія—это раздѣлить всю наличную собственность поголовно между всѣмъ населеніемъ. Въдъ это значить только въ лучшемъ случаѣ отдалить разрѣшеніе вопроса до слѣдующаго поколѣнія, ибо тамъ опять возникнутъ тѣ же затрудненія. Собственность болѣе или менѣе устойчиво закрѣпляется за опредѣленными лицами, въ здоровомъ обществѣ населеніе стремится непрерывно увеличиваться. Общественное распредѣленіе земель, орудій и продуктовъ всегда отстаетъ отъ естественнаго роста населенія. Конкуренція не исчезнетъ.—Столь же ошибочно было бы усматривать въ сокращеніи народонаселенія средство къ исцѣленію отъ бѣды нищеты. Сельское хозяйство, въ особенности же развитая промышленность требуютъ свободнаго запаса живой рабочей силы. Сокращеніе рождаемости грозитъ возвратомъ къ давно минувшимъ временамъ, когда огромные запасы земли лежали втунѣ, когда промышленности не было, когда торговля, вслѣдствіе неудобствъ и опасностей путей сообщенія, требовала отъ купцовъ почти подвига—общее обнищаніе и паденіе культуры угрожаетъ обществу.

Современный строй экономической и правовой жизни отличается широкимъ развитіемъ частной собственности. Юридическій институтъ частной собственности защищенъ всѣми силами государственной власти. И, однако, если взглянуть не на правопорядокъ, а изслѣдовать, насколько въ дѣйствительности прочно положеніе cadaго собственника, то окажется, что оно въ высокой мѣрѣ шатко и подвержено всевозможнымъ колебаніямъ. Собственникъ все болѣе и болѣе попадаетъ въ зависимость отъ мірового рынка. Измѣнились къ худшему условія мірового товарообмѣна, собственникъ не только теряетъ барыши, но можетъ лишиться всего своего имущества. Наоборотъ, общее улучшеніе дѣлъ повышаетъ надежды собственника. Какія бы личныя усилія собственникъ ни прилагалъ, онъ можетъ потерять свое достояніе, если у него нѣтъ капитала, чтобы продержаться. Не отъ однихъ только личныхъ усилій, не отъ правовой обезпеченности собственности, а отъ ея величины и общаго положенія рынка зависитъ судьба cadaго отдѣльнаго собственника. Въ этомъ отношеніи государство безсильно, ибо организація хозяйства не только внѣ,—

что само собою понятно,—но и внутри государственного союза, не достоинствъ его вѣдѣній. Свободная игра экономическихъ силъ и крайняя необезпеченность существованія—такова картина современнаго общества. Еще Гейне провидѣлъ это въ своемъ исполненномъ поречи и яда стихотвореніи:

Если ты имѣешь много, такъ тебѣ еще дадутъ,
Если жъ мало, такъ и это очень малое возьмутъ,
Если жъ нищій, то въ могилу полѣзай и жизнь забудь;
Жить вѣдь тотъ имѣетъ право, кто имѣетъ что-нибудь.

(Переводъ П. И. Вейнберга).

При такихъ условіяхъ нельзя устранивать государство отъ заботъ о существованіи его гражданъ. Неимущіе граждане грозятъ самому государству. Ничто ихъ не привязываетъ къ родинѣ, къ своему народу, къ своему государству. Предоставленные самимъ себѣ, ничего не видя для себя хорошаго въ настоящемъ, они всѣ свои помыслы устремляютъ въ будущее или впадаютъ въ отчаяніе. На почвѣ недовольства существующимъ порядкомъ возникаетъ среди обездоленнаго люда сперва неясное сознаніе своего единства, а затѣмъ рѣзкое противоположеніе себя и своихъ интересовъ остальному народу. Отсюда—постоянная смута, отсюда—состояніе вражды внутри государства. Искры достаточно, и пламя вырывается изъ народныхъ глубинъ—начинается мятежъ. Такъ было повсюду и всегда, гдѣ и когда въ народѣ на одной сторонѣ стояло богатство и довольство, а на другой—голодъ и лишенія. Въ началѣ этого очерка были приведены нѣкоторыя изъ сохранившихся свидѣтельствъ о настроеніи неимущихъ классовъ въ древности. Съ тѣхъ поръ въ корнѣ измѣнились условія личной и общественной жизни, но недовольство судьбой осталось попрежнему. И теперь раздаются тотъ же стонъ и тѣ же кличи, какіе раздавались въ давно минувшія времена. Богатство и бѣдность раздражаютъ народы на части, государство потрясается до основанія. Повидимому,—непоколебимая мощь государства, на самомъ же дѣлѣ—внутреннее безсиліе, ибо государство поражено тяжкимъ недугомъ. Съ наивною простотой высказываетъ свое удивленіе Саллюстій по поводу отчаянной рѣшимости заговорщиковъ поставить свое существованіе и существованіе всего государства на край бездны. «Въ то время какъ все пространство отъ востока до запада»,—говоритъ онъ,—«было покорено оружіемъ и повиновалось

Риму, а внутри государства царили досугъ и богатство, что многіе смертные считаютъ самымъ главнымъ, нашлись все-таки граждане, которые въ своемъ упорствѣ неуклонно стремились къ собственной гибели и гибели всего государства». (Саллюстій. Заговоръ Капилины, '36, 4). Но вѣдь терять имъ было нечего,—объяснилъ самъ Саллюстій,—къ чему же имъ было останавливаться передъ возможной гибелью государства?—Недовольство и смуты внутри государства лишаютъ его силъ для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Къ чему бѣднотѣ жертвовать собой для отраженія врага, когда у ней нѣтъ ни клочка собственной земли, когда она идетъ на войну и умираетъ ради чужой роскоши и богатства?—такъ думаетъ она, и это настроеніе высказалъ Тиберій Гракхъ въ рѣчи, небольшой отрывокъ которой, дошедшій до насъ, дышитъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Если войско побѣдитъ, то плоды побѣды пойдутъ не ему, если потерпитъ поражение, то хуже не будетъ—такія настроенія должно учесть государство. Оно должно имѣть въ виду, что благополучію и мощи его самого грозитъ опасность отъ экономически обездоленныхъ классовъ, а въ ихъ числѣ могутъ очутиться и собственники, ибо, какъ было указано, не всегда личныя усилія сохранять собственность за тѣми, кому она принадлежала по праву. Приливы и отливы волнуютъ и экономическій оборотъ.

II. Основные экономическія права.

Движеніе среди неимущихъ классовъ выдвинуло въ новѣйшее время двѣ идеи: идею трудового государства и идею основныхъ экономическихъ правъ личности. Въ чемъ же состоитъ содержаніе той и другой идеи?

Въ идеѣ трудового государства находитъ себѣ выраженіе мысль о трудѣ,—этомъ источникѣ народнаго богатства и необходимомъ условіи культуры,—какъ о дѣлѣ государственной важности. Въ развитомъ видѣ идея трудового государства сопряжена съ возложеніемъ на гражданъ публично-правовой обязанности труда. Полное воплощеніе ея въ дѣйствительность—вопросъ отдаленнаго будущаго. Но мысль о трудѣ, какъ о дѣлѣ государственной важности, въ настоящее время имѣетъ значеніе въ томъ смыслѣ, что она оправдываетъ широкое вмѣшательство государства въ экономическую жизнь съ цѣлью поднять производительныя силы страны. Въ примѣненіи къ тому строю хозяйственныхъ

отношеній, который выждется на принципъ частной собственности, сказанная мысль влечетъ за собой взглядъ на собственность, какъ на социальную функцію, т.-е. взглядъ на осуществленіе правомочій, принадлежащихъ собственнику, какъ на исполненіе личными силами общественныхъ задачъ. Въ связи съ этимъ, умѣстно отмѣтить, что такой взглядъ на собственность означаетъ величайшее довѣріе, оказываемое государствомъ личности. Государство ввѣряетъ личности свое дѣло исключительной важности—хозяйственную жизнь страны. Но государство не только въ правѣ, но и обязано возлагать на частную собственность всѣ тѣ ограниченія, которыя вызываются соображеніями общественной пользы. Безграничнаго права собственности вообще нѣтъ и быть не можетъ, какъ вообще нѣтъ и быть не можетъ безграничнаго права. Большая или меньшая свобода собственника всецѣло объясняется сложившимися такъ или иначе общественными отношеніями. Какъ относительно болѣе свободное положеніе собственника, такъ и относительно болѣе стѣсненное государственнымъ вмѣшательствомъ, въ равной мѣрѣ обусловлены всѣмъ строемъ хозяйственной жизни и, при извѣстныхъ условіяхъ, одинаково клонятся къ общественной пользѣ. Все дѣло—въ этихъ условіяхъ.

Съ особой ясностью взглядъ на собственность, какъ на социальную функцію, изложилъ французскій ученый Дюги. Имъ относительно этого выставлено было два положенія. Во-первыхъ, собственникъ обязанъ и, слѣдовательно, въ правѣ пользоваться вещью, которой онъ обладаетъ, для удовлетворенія индивидуальных своихъ потребностей и, въ особенности, потребностей своихъ близкихъ, пользоваться вещью для развитія своей физической, умственной и нравственной дѣятельности. «Вѣдь не слѣдуетъ на самомъ дѣлѣ забывать,—замѣчаетъ Дюги,—что интенсивность раздѣленія труда состоитъ въ прямомъ отношеніи къ интенсивности индивидуальной дѣятельности». Во-вторыхъ, собственникъ обязанъ и, слѣдовательно, въ правѣ пользоваться вещью для удовлетворенія общественныхъ потребностей всего національнаго коллектива или коллективовъ второго порядка¹⁾.

Государство, ставя себѣ культурныя задачи, должно вмѣстѣ съ тѣмъ принимать всѣ мѣры къ развитію труда—этой, по-истинѣ, основы культурнаго роста. Трудомъ поддерживается единство по-

¹⁾ Leon Duguit. Les transformations générales du droit privé depuis le Code Napoléon. 1912 г., стр. 165 сл.

коліній. Предки оставили нині живущему поколінню запасъ благъ и намітили къ разрѣшенію рядъ задачъ; нині живущее покоління, воспринявъ наслѣдіе предковъ, въ свою очередь передаетъ потомству плоды своего труда и ставитъ передъ нимъ новыя задачи и такъ далѣе, въ безконечность. Всякій перерывъ въ работѣ бюлѣзненно отзывается не только на очевидцахъ, но захватываетъ также своимъ вліяніемъ будущихъ строителей жизни. Преемственность труда есть условіе непрерывности культуры. Государство должно поэтому охранять и поддерживать трудъ всѣми зависящими отъ него мѣрами.

Существованіе народа, кромѣ того, и, слѣдовательно, государства, съ его задачей вспоможенія культурѣ, зависятъ отъ труда. Въдѣ для продолженія индивидуальнаго существованія требуется нѣкоторый запасъ хозяйственныхъ благъ, точно также это требуется для продолженія существованія народа, того же требуетъ и государство, съ его все болѣе и болѣе растущими потребностями. Чѣмъ богаче государство, тѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ болѣе прочно его существованіе. Способствуя развитію труда, государство упрочиваетъ и охраняетъ свое существованіе.

Государство, усматривая въ трудѣ источникъ своего и общекультурнаго развитія, оказываетъ широкую поддержку народному образованію. Оно само открываетъ низшія, среднія и высшія школы. Но этого мало. Государство способствуетъ организаціи чисто научныхъ работъ, юставаясь, конечно, въ предѣлахъ внѣшняго покровительства. Обладая огромными денежными средствами, оно можетъ оказать такую помощь начинаніямъ въ области научной работы, какую имъ не могутъ дать частныя лица или союзы.—Въ правовомъ государствѣ свобода науки и преподаванія обезпечена. Опасаться поэтому государственнаго вмѣшательства здѣсь нѣтъ никакихъ основаній. Кромѣ того, развитіе частныхъ школъ не исключается, равно какъ не исключается вліяніе семьи. Если государство вводитъ обязательное первоначальное обученіе, то это можно только приветствовать. Никакихъ опасностей оно не представляетъ, ибо устанавливается лишь съцѣлю дать массѣ народа minimum знаній. Грамотность свободѣ не повредитъ. Преимущества обученнаго работника передъ работникомъ, не получившимъ никакого образованія, настолько велики, что уже по одному этому заботу государства о школахъ надлежитъ считать его первой обязанностью.

Итакъ, задачи государственной дѣятельности опредѣляются иначе, чѣмъ опредѣлялъ ихъ Гумбольдтъ и его единомышленники.

Идея основныхъ экономическихъ правъ личности соприкасается съ требованіями личности, направленными къ государству объ оказаніи въ нея пользу услугъ положительнаго содержанія. Въ зависимости отъ признанія государствомъ этихъ правъ задачи его опять-таки опредѣляются иначе, чѣмъ опредѣлялъ ихъ Гумбольдтъ и его послѣдователи. Задача государственной дѣятельности, зависящая отъ признанія экономическихъ правъ, сводится къ заботѣ о положительномъ благѣ гражданъ, т.-е. какъ разъ къ тому, противъ чего возставалъ Гумбольдтъ.—Экономическія права даютъ личности правомочіе требовать отъ государства оказанія въ нея пользу услугъ положительнаго содержанія. Но этимъ исчерпывается общность между сказанными правами. Каждое экономическое право обладаетъ своею особою юридическою природою, нуждающеюся въ самостоятельномъ разсмотрѣніи. Этихъ правъ—три: право на трудъ, право на полный продуктъ труда и право на существованіе.

Нѣкоторыя указанія на право на трудъ, повидимому, имѣются во французскихъ конституціяхъ 1791 и 1793 г. Въ конституціи 1791 года среди основныхъ положеній, гарантированныхъ конституціей, было помѣщено обѣщаніе того, что «будетъ создано и устроено общегосударственное учрежденіе общественной помощи для воспитанія покинутыхъ дѣтей, для облегченія участи нищихъ, неспособныхъ къ труду, и для доставленія работы тѣмъ способнымъ къ труду нищимъ, которые не могутъ ее найти». Ст. 21, конституціи, 1793 г. опредѣляла: «Общественное призрѣніе есть священный долгъ. Общество обязано оказывать поддержку несчастнымъ гражданамъ, или предоставляя имъ работу, или обезпечивая средства къ существованію тѣмъ, кто не въ состояніи работать». Въ выдѣленныхъ здѣсь курсивомъ словахъ слѣдуетъ видѣть, однако, не столько признаніе права на трудъ, сколько нравственное обѣщаніе оказать поддержку работой тому, кто въ ней нуждается. Въ 1848 г., во время февральской революціи, во Франціи была предпринята попытка осуществить на дѣлѣ право на трудъ. 25 февраля 1848 г. временнымъ правительствомъ былъ составленъ декретъ такого содержанія: «Временное правительство французской республики обязуется обезпечить работой существо-

ваніе трудящихся. Оно беретъ на себя обязательство предоста-
вить занятія всѣмъ гражданамъ государства; оно признаетъ, что
рабочимъ необходимо организоваться въ ассоціаціи, чтобы полу-
чать надлежащее вознагражденіе за свой трудъ». Въ этомъ де-
кретѣ, опубликованномъ на слѣдующій день по его составленіи,
т.-е. 26 февраля, выраженіе «право на трудъ» не встрѣчается, но
по существу право на трудъ было имъ признано. 27 февраля по-
явился декретъ объ учрежденіи національных мастерскихъ, зада-
чей которыхъ было занять главнымъ образомъ земляными рабо-
тами массу безработныхъ, безъ различія ихъ профессій¹⁾. Каждый
рабочій получалъ ежедневно по 2 франка, въ тѣ же дни, когда
работы не производились—по 1 франку. Національныя мастер-
скія требовали огромныхъ издержекъ. Число рабочихъ, занятыхъ
тамъ, въ іюнѣ дошло до 117,310. Найти работу для такого коли-
чества людей оказалось дѣломъ труднымъ. Среди самихъ рабо-
чихъ, занятыхъ въ національных мастерскихъ, находились недо-
вольные своимъ положеніемъ. На ряду же съ этимъ, мастерскія
не могли вмѣстить всѣхъ желающихъ попасть туда. Буржуазія,
по словамъ Зингера, усматривала въ національных мастерскихъ
не что иное, какъ боевую организацію пролетаріата противъ соб-
ственности, какъ постоянную боевую готовность труда противъ
капитала. 4 іюля 1848 года національныя мастерскія были закры-
ты. Опытъ съ ними надлежитъ признать неудачнымъ²⁾.

Какъ же юридически опредѣлить, что такое право на трудъ?
Въ литературѣ имѣются двѣ серьезныя попытки опредѣлить это

¹⁾ «Правда, Тома (директоръ національных мастерскихъ) устроилъ
и нѣсколько ремесленныхъ мастерскихъ (мастерскія каретниковъ, сапожни-
ковъ, портныхъ) которыя дали весьма удовлетворительные результаты.
Но это расширеніе права на трудъ послужило, не безъ основанія, для про-
тивниковъ социализма главнымъ аргументомъ противъ такого права во
французской конституціи. Если бы государство обязалось давать каждому
работнику, не находящему работы у частныхъ предпринимателей, занятія,
соотвѣтствующія его профессіи, то хозяйственная дѣятельность государства
приняла бы такіе огромные размѣры, что дальнѣйшее существованіе на ряду
съ ней современнаго частно-правового порядка сдѣлалось бы невоз-
можнымъ». Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда.
Русск. перев. подъ ред. Н. Рожкова. 1905 г., стр. 29—30; ср. R u-
d o l f S i n g e r. Das Recht auf Arbeit. 1895 г., стр. 48, пр. 3.

²⁾ Къ излож. см. R u d o l f S i n g e r. Das Recht auf Arbeit. 1895 г.,
§ 8, стр. 41—49; Луи Эритъ е. Исторія французской революціи 1848 г.
и второй республики. Русск. перев. подъ ред. П. П. Румянцева.
1907 г., стр. 246 сл.; 251; 283 сл.; 397 сл.; 403; 466; Антонъ Менгеръ.
Право на полный продуктъ труда. Русск. перев. подъ ред. Н. Рож-
кова. 1905 г., стр. 22—34.

понятіе. Одна изъ нихъ принадлежитъ Менгеру, другая—Зингеру. Менгеръ опредѣляетъ право на трудъ такимъ образомъ: «Въ силу права на трудъ, каждый работоспособный гражданинъ, не находящій работы у частнаго предпринимателя, можетъ требовать отъ государства или отъ государственныхъ союзовъ (округа, общины), чтобы ему предоставлена была дневная работа за обычную дневную плату» ¹⁾. Опредѣленіе Зингера болѣе широко. Оно гласитъ такъ: «Право на трудъ есть принадлежащее каждому работоспособному и въ то же время безработному гражданину право требовать отъ государства или государственныхъ союзовъ (общины, округа, области) предоставленія (простой или профессиональной) работы въ размѣрѣ, обеспечивающемъ достаточное удовлетвореніе жизненныхъ потребностей лица правомочнаго (in einem die auskömmliche Existenz des Berechtigten sicherstellenden Aussmasse) ²⁾. По обѣимъ формуламъ право на трудъ принадлежитъ работоспособному гражданину, оставшемуся не по своей винѣ безъ работы. Само собою разумѣется, право на трудъ принадлежитъ только гражданину/даннаго государства, ибо въ задачу государства не можетъ входить забота о хозяйственныхъ нуждахъ гражданъ другихъ государствъ. Обязанность дать работу лежитъ на государствѣ или государственныхъ союзахъ (примѣнительно къ русскимъ условіямъ, на породѣ, земствѣ). Право на трудъ сводится къ правомочию требовать работу. Оно есть право вспомогательное, субсидіарное, на языкѣ юристовъ. Это значить, что оно дѣйствительно только тогда, когда рабочій не можетъ найти—не по своей винѣ—на свободномъ рынкѣ труда для себя работы. На этомъ сходство между приведенными опредѣленіями кончается. Въ дальнѣйшемъ обнаруживаются существенныя различія между ними.

Прежде всего подлежитъ разсмотрѣнію формула Менгера.—Къ сожалѣнію, не вполне ясно можно установить отвѣтъ Менгера на такой вопросъ—въ какомъ случаѣ принадлежитъ безработному гражданину право на трудъ, въ случаѣ ли субъективной или только въ случаѣ объективной безработицы? Другими словами, можетъ ли рабочій въ томъ случаѣ, когда онъ не находитъ себѣ работы исключительно благодаря своей недостаточной осведомлен-

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 23—24.

²⁾ Rudolf Singer. Das Recht auf Arbeit, стр. 77.

ности относительно спроса рабочихъ рукъ на рынокъ (субъективная безработица), заявить съ успѣхомъ требованіе государству о предоставленіи ему работы, или онъ въ правѣ заявить это требованіе только въ томъ случаѣ, когда на рынокъ труда совсѣмъ нѣтъ работы (объективная безработица)? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, видимо, надо дать въ томъ смыслѣ, что гражданинъ въ правѣ притязать на получение отъ государства работы только въ случаѣ объективной безработицы, тогда, слѣдовательно, когда онъ безработенъ за отсутствіемъ на рынокъ труда какой бы то ни было работы. На это имѣются два основанія. Во-первыхъ, государство не можетъ для каждаго отдѣльнаго лица располагать каждый разъ, какъ въ томъ представится для этого лица необходимость по его личнымъ причинамъ, запасомъ свободныхъ мѣстъ, даже такихъ только, которыя обезпечивали бы нуждающемуся простую пощенную работу; а, во-вторыхъ, для устраненія субъективной безработицы нужна не государственная организація самихъ работъ, а особыя организаціи специально для приисканія работы. Такія организаціи могутъ быть, конечно, учреждены и государствомъ, но цѣль ихъ сводится не къ осуществленію права на трудъ, а къ приисканію свободныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ, у частныхъ предпринимателей.—Если рабочій, кромѣ того, находитъ себѣ работу у частныхъ предпринимателей за обычное, но недостаточное для него вознагражденіе, то съ точки зрѣнія Менгера, у него нѣтъ права требовать отъ государства работы. Онъ занятъ работой, а потому нѣтъ налицо одного изъ предположеній права на трудъ—безработицы.—Содержаніе требованія, по опредѣленію Менгера, состоитъ въ предоставленіи простой пощенной работы, исполнить которую можетъ всякій, даже необученный, рабочій. Предметъ требованія состоитъ въ предоставленіи работы за обычную пощенную плату.—По всѣмъ этимъ соображеніямъ ясно, что «право на трудъ имѣетъ характеръ только дополняющій современное имущественное право, и оно прямо предполагаетъ существованіе частной собственности на землю и капиталъ» ¹⁾. Этотъ выводъ Менгера нельзя не считать правильнымъ.

Опредѣленіе Зингера, какъ было сказано, болѣе широко. Содержаніемъ требованія Зингеръ считаетъ предоставленіе простой работы, исполнить которую можетъ всякій, даже необученный, ра-

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 24.

бочий, или предоставление профессиональной работы, исполнить которую может только соответственно обученный рабочий. Нѣкоторая разница замѣчается, повидимому, въ опредѣленіяхъ Зингера и Менгера даже въ отношеніи къ простой работѣ. У Менгера говорится о поденной работѣ, у Зингера этой оговорки нѣтъ. Однако, и съ точки зрѣнія Зингера, очевидно, безработный гражданинъ не имѣетъ права требовать постоянную работу. Когда минуетъ безработица, его право получать работу отъ государства должно прекратиться. Работа можетъ остаться за нимъ въ такомъ случаѣ только на общихъ основаніяхъ. — Право на профессиональный трудъ предполагаетъ обязанность государства предоставить за свой счетъ безработному гражданину работу, соответственно его профессіи. Земля, орудія и средства производства, въ случаѣ признанія права на профессиональный трудъ, должны въ надлежащемъ количествѣ находиться въ рукахъ государства, которое организовало бы за свой счетъ различныя производства. Для государства, признавашаго право на профессиональный трудъ, неизбежно сооруженіе для каждой отрасли промышленнаго или сельско-хозяйственнаго производства большихъ государственныхъ мастерскихъ. Отсюда произойдетъ расширеніе государственной собственности. По справедливому замѣчанію Зингера, если даже, на первыхъ порахъ, наряду съ государственной собственностью и могла бы существовать частная собственность, однако, въ результатѣ указанной системы хозяйства государственная собственность вытѣснила бы частную. Съ теченіемъ времени индивидуальныя хозяйства становились бы все рѣже и рѣже, и весь хозяйственный строй обнаружилъ бы сильный уклонъ въ сторону государственнаго социализма. Поэтому съ достаточной увѣренностью можно предсказать, что, въ силу признанія права на профессиональный трудъ, частная собственность на землю и капиталъ терпѣла бы уронъ за урономъ, а въ концѣ-концовъ была бы совсѣмъ вытѣснена ¹⁾. — Это заключеніе Зингера убійственно, однако, не только для права на профессиональный трудъ, но и для права на всякій другой трудъ. Въ самомъ дѣлѣ, полное осуществленіе права на профессиональный трудъ повлечетъ за собой уничтоженіе частной собственности и сосредоточеніе земли, орудій и средствъ производства въ рукахъ государства. вмѣстѣ съ тѣмъ, трудъ, ка-

¹⁾ Rudolf Singer. Das Recht auf Arbeit, стр. 76—77.

кой бы то ни было, долженъ стать обязанностью каждаго. Только при этомъ условіи государство будетъ въ состояніи вести свое огромное хозяйство. Но тогда неправильно будетъ говорить въ прежнемъ смыслѣ о правѣ на трудъ, ибо трудъ станетъ публично-правовой обязанностью каждаго. Въ томъ строѣ, который утвердился послѣ сосредоточенія у государства всего производства, выраженіе «право на трудъ» можетъ значить только или право на допущеніе къ труду—тотъ случай, когда гражданину кто-либо фактически препятствуетъ осуществить его публично-правовую обязанность и соответственно право трудиться, или же право удержать за собой свою должность, т.е.—тотъ случай, когда у гражданина по постановленію государственной власти, вынесенному безъ достаточныхъ основаній, отнимается ввѣренная ему часть общественной работы, своего рода несмѣняемость для рабочихъ.

Предметъ требованія безработнаго гражданина состоитъ, согласно Зингеру, въ предоставленіи работы въ размѣрѣ, обеспечивающемъ достаточное удовлетвореніе жизненныхъ потребностей правомочнаго лица, обеспечивающемъ его «достаточное существованіе». Въ опредѣленіи размѣра платы за работу для Менгера рѣшающее значеніе имѣютъ условія рынка, для Зингера—жизненные потребности рабочаго. Съ государственной точки зрѣнія, повидимому, предпочтителенъ взглядъ Зингера. Государство не должно истощать своихъ безработныхъ гражданъ и ихъ семействъ, а этого есть основаніе опасаться, если оплата ихъ труда будетъ произведена государствомъ изъ расчета обычной заработной платы, ибо не всегда заработная плата твердо устанавливается на надлежащей высотѣ; ея обычный уровень можетъ быть ниже того, который необходимъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей рабочаго. Но, съ другой стороны, государство, обеспечивая безработнымъ гражданамъ удовлетвореніе ихъ жизненныхъ потребностей, создать основанія къ тому, чтобы граждане уже занятые работой у частныхъ предпринимателей, оставили бы ее и потребовали бы себѣ отъ государства работы, оплачиваемой имъ самимъ въ повышенномъ размѣрѣ, сравнительно съ тѣмъ уровнемъ, на которомъ стоитъ въ данное время заработная плата. Отказать имъ въ этомъ требованіи у государства не будетъ никакихъ основаній, ибо оно само своей расцѣнкой вознагражденія за работы показало бы, что заработная плата, предлагаемая частными пред-

принимателями, не достаточно высока. Но тем самым государство искусственно создает основания к требованиям осуществить право на труд и придаст этому праву несвойственные ему черты права на существование. Понятие безработицы, кроме того искусственно получить более широкий смысл, чем тот, который оно имеет на самом деле. Перед расширением понятия безработицы Зингер, впрочем, не останавливается.

«Теоретиками социализма, — говорит он, — равно и в практике национальных мастерских 1848 года право на труд понималось, как право субсидиарное, т.е. его действие начинается только тогда, когда индивид на свободном рынке труда не в состоянии найти заработка, обеспечивающего достаточное удовлетворение его жизненных потребностей (*seine auskömmliche Existenz*)» ¹⁾. Это не только историческая замечка, но и выражение собственного взгляда Зингера ²⁾. Таким образом, если рабочий находит себе работу у частного предпринимателя, хотя и за обычное вознаграждение, но не покрывающее его расходов на удовлетворение его жизненных потребностей, то, с точки зрения Зингера, этот случай надлежит разрешить не против, а в пользу рабочего, надлежит, следовательно, при таких условиях за рабочим право на труд, т.е. Зингер усматривает безработицу не только тогда, когда у работников вообще нет никакой работы, но и тогда, когда работа у них есть, но вознаграждение за нее недостаточно для удовлетворения их жизненных потребностей. Однако, понимать так субсидиарный характер права на труд невозможно. Признав право на труд, государство берет на себя обязанность дать работу тому, у кого ее нет. Безработица в прямом смысле этого слова — предположение для исполнения государством его обязанности. Иначе право на труд потеряет ясные юридические границы.

По приведенным основаниям надлежит признать конструкцию права на труд, данную Менгером, более правильной.

Право на труд должно лишь дополнять современное имущественное право — в этом сходятся, в конце концов, и Менгер, и Зингер. Однако, на пути к практическому осуществлению этого права стоят существенные препятствия. Государство не должно выступать конкурентом по отношению к частным

¹⁾ Rudolf Singer. Das Recht auf Arbeit, стр. 75.

²⁾ Ср. Rudolf Singer, Das Recht auf Arbeit, стр. 77.

предпринимателямъ. Въ противномъ случаѣ, государство однимъ рабочимъ заработокъ дать, а другихъ рабочихъ заработка лишить, ибо частные предприниматели съ государствомъ конкуренціи выдержать не могутъ. Поэтому, государство, проводя въ жизнь право на трудъ, вмѣсто того, чтобы дополнять современное имущественное право, будетъ его разрушать. Въ естественный выходъ изъ создававшегося такимъ образомъ положенія будетъ тотъ, что государство поставлено будетъ передъ необходимостью сосредоточить въ своихъ рукахъ все производство и тѣмъ въ корнѣ измѣнить существующій экономическій и правовой строй. Если же государство будетъ остерегаться выступать конкурентомъ по отношенію къ частнымъ предпринимателямъ, то въ такомъ случаѣ оно едва ли удовлетворитъ работой всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя въ ней нуждаются. Но если это такъ, то дополненіе современнаго имущественнаго права правомъ на трудъ окажется несовершеннымъ и не отвѣчающимъ своему назначенію.

Второе экономическое право—это право на полный продуктъ труда. По опредѣленію Менгера, право на полный продуктъ труда означаетъ слѣдующее: «Если какой-нибудь предметъ произведенъ трудомъ одного работника, онъ долженъ принадлежать ему одному. Если же предметъ произведенъ одновременнымъ или послѣдовательнымъ сотрудничествомъ многихъ работниковъ, что является обычнымъ при господствѣ раздѣленія труда, то каждому работнику должно быть предоставлено изъ мѣншовой стоимости продукта столько, сколько онъ вложилъ въ него своимъ трудомъ. Такъ какъ, при господствѣ этого принципа распределенія, трудовой доходъ идетъ цѣликомъ работнику, то становится невозможнымъ существованіе ни внѣтрудоваго прибыли (земельной ренты, прибыли на капиталъ), ни ея юридической основы частной собственности»¹⁾. У права на полный продуктъ труда двѣ стороны—отрицательная и положительная. Въ силу первой осуществленіе права на полный продуктъ труда повлечетъ за собой уничтоженіе нетрудового дохода и частной собственности на землю и капиталъ. Въ силу второй—продуктъ или стоимость затраченнаго на его изготовленіе труда будетъ принадлежать тому, кто продуктъ создалъ и кто къ его созданію трудъ свой приложилъ. Осуществится право на полный продуктъ труда, съ правильной точки

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 17.

връннѣя, можетъ только черезъ государство, въ рукахъ котораго сосредоточатся земля, орудія и средства производства. Повидимому, признаніемъ этого права достигается полная социальная справедливость. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что право на полный продуктъ труда не свободно отъ возраженій.

Прежде всего, что представляетъ собою уничтоженіе нетрудового дохода? Весь излишекъ въ томъ, что рабочій производить, по сравненію съ тѣмъ, что онъ получаетъ въ качествѣ заработной платы, не будетъ итти, какъ прежде, въ пользу собственников, обладающихъ орудіями и средствами производства. Этого излишка вообще не будетъ. Рабочій получитъ полностью эквивалентъ своего труда, въ видѣ ли произведеннаго имъ единолично продукта, въ видѣ ли полной оплаты затраченнаго имъ труда. Прибавочный трудъ и прибавочная стоимость подлежатъ уничтоженію. Поэтому и въ пользу государства не очистится, въ концѣ-концовъ, никакого дохода. Все то, что создано трудомъ, такъ или иначе должно быть возвращено производителямъ. Но, спрашивается, для чего же это нужно? Для чего нужно сосредоточивать все производство въ рукахъ государства, превращать государство въ предпринимателя и, слѣдовательно, на одинъ моментъ давать въ его пользу весь доходъ, а затѣмъ въ слѣдующій моментъ, все то, что было произведено, раздѣлять по рукамъ отдѣльныхъ лицъ? Для чего требуется распылять государственное достояніе? Развѣ нетрудовой доходъ самъ по себѣ настолько социально вреденъ, что подлежитъ, во что бы то ни стало, уничтоженію? Вся культурная жизнь человѣчества возможна только потому, что не всѣ результаты народнаго труда расходятся безъ остатка по рукамъ производителей. Нѣкоторая часть сберегается для затратъ на дальнѣйшее производство и на культурныя цѣли. Бережливость издавна считалась главной добродѣтелью собственниковъ. Конечно, эта добродѣтель для общества важна не столько тѣмъ, что собственникъ сберегаетъ плоды своего личнаго труда, сколько тѣмъ, что собственникъ, обладая орудіями и средствами производства, имѣетъ возможность изъ труда рабочихъ, занятыхъ въ его предпріятіи, получать прибавочную стоимость и употреблять ее, въ большей или меньшей части, на дальнѣйшее производство и на культурныя нужды. Въ этомъ заключается одна изъ услугъ, оказываемыхъ обществу частной соб-

ственностью. Собственность частных лиц на землю, орудія и средства производства не дает исчезнуть въ личномъ потребленіи народному труду, но сберегаетъ его, накопляя запасы для удовлетворенія культурныхъ потребностей. Спора нѣтъ, что задачу сбереженія народнаго труда собственники выполняютъ далеко не безупречно, но съ тѣмъ большимъ основаніемъ государство, сосредоточивъ у себя собственность на орудія и средства производства, должно принять на себя ея выполнение. Здѣсь можетъ быть сдѣлано одно возраженіе: «зачѣмъ возлагать на государство то, что съ успѣхомъ могутъ исполнить по своей личной инициативѣ сами граждане, получивъ полностью эквивалентъ своего труда? Развѣ они непременно истратятъ его весь, ничего не удѣливъ на общественныя и культурныя нужды?»—Въ этомъ возраженіи кроется старый предразсудокъ, тотъ именно, что государство есть учрежденіе, чуждое для личности. Побольше довѣрія къ личности и поменьше довѣрія къ государству—краткое выраженіе тѣхъ мыслей, которыя защищалъ Гумбольдтъ и его сторонники. Возвращаясь къ нимъ нѣтъ никакихъ основаній. Но, можетъ быть, государство, признавъ право на полный продуктъ труда, налогамъ возьметъ себѣ то, чего оно не можетъ удержать за собой прямо и непосредственно? Непонятно, однако, чему послужить это осложненіе дѣла. Въдѣ частной собственности на землю, орудія и средства производства нѣтъ, всѣ продукты сперва сосредоточиваются у государства и черезъ него распределяются затѣмъ по рукамъ отдѣльныхъ лицъ—такъ въдѣ рисуется государственный и общественный строй тамъ, гдѣ признано право на полный продуктъ труда, но въ такомъ случаѣ, не проще ли государству выдавать на руки гражданамъ лишь то, что остается за покрытиемъ общественныхъ расходовъ. Иначе государство и не будетъ поступать; а если это такъ, то исчезаетъ право на полный продуктъ труда. Ни полного продукта труда, ни его эквивалента, гражданинъ не получить и не долженъ получить, если только правильно понять задачи государства. Разумное сочетаніе общественнаго и личнаго начала не достигается, если на первый планъ ставить интересы личности, а на второй отодвигать интересы всего общества. И тѣ и другіе должны удовлетворяться совмѣстно. Между тѣмъ, право на полный продуктъ труда сплошь проникнуто узкимъ эгоизмомъ личности, помышляющей только о себѣ и своихъ интересахъ.

Затѣмъ, во имя чего защищается право на полный продуктъ труда и вмѣстѣ съ нимъ ютѣна частной собственности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, отчасти уже данъ: во имя интересовъ личности. Однако, онъ еще не полонъ и нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ. Личность требуетъ себѣ продукта своего труда или эквивалента за потраченный трудъ. Но вѣдь того же самого хотятъ собственники. Лабулэ защищаетъ собственность, исходя именно изъ того положенія, что ею обезпечивается принадлежность продукта тому, кто его создалъ; что тѣмъ самымъ повышается личная предприимчивость и производительность, а отъ этого выигрываетъ и все общество. Тотъ же строй мысли приводитъ къ защитѣ права на полный продуктъ труда и уничтоженію частной собственности на орудія и средства производства. Частная собственность на землю и капиталъ должна быть упразднена во имя частной собственности на произведенный продуктъ—такова внутренняя пружина защиты права на полный продуктъ труда. Если орудія и средства производства состоятъ въ обладаніи частныхъ лицъ, то рабочіе, вынужденные продавать свою живую силу за заработную плату, кромѣ нея ничего не получаютъ; продукты ихъ труда идутъ въ пользу предпринимателя, а не къ нимъ. Но каждый изъ нихъ участвуетъ своимъ трудомъ въ созданіи продуктовъ даннаго производства, и безъ его участія продуктъ не былъ бы произведенъ. Отсюда возникаетъ требованіе отдать произведенный рабочимъ продуктъ въ его пользу, или, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ сотрудничества, отдать ему эквивалентъ его труда. Осуществить это иначе нельзя, какъ, сосредоточивъ собственность на орудія и средства производства у государства, нельзя, слѣдовательно, иначе, какъ отмѣнивъ на нихъ частную собственность. Но перенесеніе собственности на орудія и средства производства на государство потребовалось потому, что собственность каждаго рабочаго на произведенный продуктъ или на эквивалентъ труда прежде не была обезпечена. Итакъ, частная собственность на орудія и средства производства отмѣняется, и собственность на нихъ передается государству для того, чтобы черезъ государство граждане получили бы въ собственность продукты или, по крайней мѣрѣ, эквивалентъ своего труда. Старый инстинктъ собственниковъ называется въ новомъ правѣ трудового люда. Защита права на полный продуктъ труда вызывается, слѣдовательно, интересами личности, не порвавшей связи съ привычками и міросозерцаніемъ частнаго собственника.

Къ вопросу о правѣ на полный продуктъ труда можно подойти нѣсколько иначе.—Въ обществѣ съ развитымъ раздѣленіемъ труда всякій продуктъ создается коллективными усилиями тружениковъ. Развиваемая такимъ образомъ коллективная сила не есть только сумма разрозненныхъ единичныхъ усилий, а нѣчто большее. Этотъ плюсъ, получаемый въ силу сотрудничества, никоимъ образомъ не можетъ быть отнесенъ на счетъ каждаго участника въ общей работѣ ни полностью, что само собою понятно, ни въ какой-либо части, ибо всѣ участники вмѣстѣ и каждый изъ нихъ въ отдѣльности содѣйствуютъ другъ другу, одинъ содѣйствуетъ всѣмъ, всѣ одному, въ трудѣ ихъ связываетъ какъ бы крупная порука. Учита то обстоятельство, что коллективная сила не есть простая сумма силъ отдѣльныхъ участниковъ, но нѣчто большее, легко на этомъ основаніи признать право собственности на произведенный продуктъ принадлежащимъ не отдѣльнымъ сотрудникамъ, а всей группѣ ихъ, создавшей данный предметъ, въ цѣломъ; и такъ какъ всѣ эти группы объединены въ обществѣ, то оно будетъ собственникомъ всѣхъ произведенныхъ продуктовъ. Между работниками общество, даже признавъ право каждаго изъ нихъ на полный продуктъ его труда, должно распределить всѣ объекты поровну, ибо участіе одного сотрудника въ созданіи того или другого предмета было столь же необходимо, какъ участіе любого изъ нихъ и всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Другими словами, общественный характеръ производства ведетъ, повидимому, къ полному уничтоженію частной собственности, требуетъ имущественнаго равенства и сводитъ право на полный продуктъ труда къ требованію равнаго раздѣла всѣхъ произведенныхъ продуктовъ между производителями. Этотъ ходъ разсужденій привелъ Прудона къ нападкамъ на «естественное право собственности» на произведенный работникомъ предметъ и къ истолкованію принципа—каждому по его труду—въ смыслѣ принципа равенства. Вотъ выдержки изъ сочиненія Прудона: «Что такое собственность?», подтверждающія сказанное.—«Самое незначительное имущество, самая ничтожная фабрика, устройство самой жалкой индустріи требуютъ сочетанія столь различныхъ трудовъ и талантовъ, что одинъ человекъ никогда бы не былъ въ состояніи справиться съ этимъ» ¹⁾. Изъ совместнаго согласованнаго труда рабочихъ выте-

¹⁾ P. I. Proudhon. Qu'est-ce que la propriété? Oeuvres complètes de P. I. Proudhon. Tome 1. Nouvelle édition. гл. III, § 5, стр. 94. П. Ж. Прудонъ. Что такое собственность? Перев. въ изд. Ф. Капелюша. 1907 г., стр. 67.

каетъ громадная коллективная сила ¹⁾—«То, что вы потребляете, вы получаете отъ всѣхъ членовъ общества, по той же причинѣ производство одного предполагаетъ производство всѣхъ. Одинъ продуктъ невозможенъ безъ другихъ продуктовъ; изолированная отрасль промышленности вещь невозможная. Какую жатву собрали бы съ своей нивы земледѣлецъ, если бы другіе не производили для него плутовъ, возовъ, овина, одежды и т. п. Что сдѣлалъ бы ученый, не будь книгопродавцевъ, что дѣлалъ бы типографщикъ безъ литейщика и механика, эти въ свою очередь безъ другихъ работниковъ?»... «Всѣ отрасли производства находятся между собой во взаимодействіи и образуютъ одно цѣлое, всѣ онѣ заодно служатъ другъ другу цѣлью и средствомъ, всѣ различія таланта представляютъ собой лишь серію метаморфозъ отъ низшаго къ высшему. Итакъ, въ каждомъ продуктѣ участвуютъ всѣ отрасли производства,—это фактъ неоспоримый и не встрѣтившій до сихъ поръ возраженія,—отсюда слѣдуетъ, что всѣ отрасли производства являются общимъ дѣломъ, такъ что каждый продуктъ, выходящій изъ рукъ производителя, оказывается съ самаго начала отягченнымъ общественной ипотекой. Самъ производитель имѣетъ право только на часть продукта, числитель этой дроби равенъ единицѣ, знаменатель—числу членовъ общества. Правда, что за то производитель имѣетъ право на всѣ продукты другого рода—такимъ образомъ онъ имѣетъ ипотеки на продукты всѣхъ другихъ, точно такъ же, какъ они имѣютъ и на его продукты. Но вѣдь ясно, что эти взаимныя ипотеки не только не допускаютъ собственности, а, напротивъ, уничтожаютъ ее, со владѣніемъ включительно. Работникъ не является даже владѣльцемъ своего продукта, не успѣетъ онъ закончить его, какъ общество уже требуетъ его» ²⁾.—«Какъ работающіе въ сотрудничествѣ, работники находятся на равномъ положеніи, и было бы противорѣчіемъ платить одному больше, чѣмъ другому: ибо продуктъ одного можетъ быть оплаченъ только изъ продукта другого, если оба продукта не равны, остатокъ или разница между большимъ или меньшимъ продуктомъ не приобрѣтается обществомъ, стало-быть они не входили въ мѣну и не могутъ нарушить равенства заработной платы. Отсюда вытекаетъ,

¹⁾ P r o d h o n. Qu'est-ce que la propriété?, сопост. гл. III, § 5 стр. 94, и 96. Русск. перев., стр. 67, 68.

²⁾ P r o d h o n. Qu'est-ce que la propriété?, гл. III, § 8, стр. 119. Русск. перев., стр. 84—85

если хотите, естественное неравенство въ пользу болѣе сильнаго работника, но не общественное, потому что никто не страдаетъ отъ особой силы и производительной энергіи этого работника. Однимъ словомъ, общество обмѣниваетъ только равные продукты, т.-е. оплачиваетъ только ту работу, которая сдѣлана для него; слѣдовательно, оно всѣмъ работникамъ платитъ одинаково; а что они могутъ произвести сверхъ того, такъ же мало касается общества, какъ разни́ца въ ихъ головахъ или цвѣтъ волосъ.—Читателю можетъ показаться, что я самъ выставлю принципъ неравенства. Какъ разъ наоборотъ. Количество работъ, которыя могутъ быть сдѣланы для общества, т.-е. работъ, допускающихъ обмѣнъ, тѣмъ больше, чѣмъ больше число работниковъ и чѣмъ уже задача каждаго въ отдѣльности, отсюда слѣдуетъ, что природныя неравенства нейтрализуются по мѣрѣ того, какъ расширяется ассоціація, по мѣрѣ того, какъ все больше предметовъ потребления производится совмѣстно; такъ что остается только право захвата, право собственности—только оно можетъ повести въ обществѣ къ неравенству труда¹⁾.—«Энергія, талантъ, прилежаніе и вытекающія отсюда личныя преимущества—все это дѣло природы и лишь въ извѣстной степени зависитъ отъ индивидуума; общество воздастъ имъ должное, платитъ имъ дань уваженія, но мѣриломъ заработной платы служить ему не то, что они могутъ, а то, что они дѣлаютъ. Съ своей стороны количество продукта, производимаго индивидуумомъ, ограничено правомъ всѣхъ на работу.—Если бы земля наша была безгранична и предметы труда неисчерпаемы, мы все же не могли бы слѣдовать принципу—каждому по его труду. Почему? Потому что, повторяемъ, общество, каково бы ни было число его членовъ, можетъ давать имъ только одинаковую заработную плату: вѣдь оно оплачиваетъ ихъ ихъ же собственными продуктами. Только въ томъ случаѣ, если ничто не препятствуетъ сильнѣйшимъ пользоваться всѣми ихъ преимуществами,—на лонѣ общественного равенства возродятся всѣ недостатки естественнаго неравенства. При этомъ мы исходимъ изъ вышеупомянутой гипотезы. Но производительная дѣятельность и размноженіе человѣка возможны только на извѣстныхъ полосахъ земли; въ этомъ смыслѣ послѣдняя очень ограничена. Кромѣ того, общественная работа облегчается, благодаря безконечному разно-

¹⁾ Proudhon. Qu'est-ce que la propriété?, гл. III, § 6, стр. 100. Русск. перев., стр. 71.

образію индивидуальной работы, и чрезвычайному дѣленію труда. Итакъ, съ одной стороны, границы производительной дѣятельности, съ другой стороны, легкость производства заставляютъ насъ принять абсолютный законъ равенства» ¹⁾.—«Принципъ: каждому по его труду, если понимать его въ томъ смыслѣ, что кто больше работаетъ, тотъ долженъ получить больше, предполагаетъ два очевидно ложныхъ факта: одинъ экономическій, что въ общественной работѣ доля одного можетъ отличаться отъ доли другого, и другой, физическій, что количество производимыхъ вещей можетъ расти въ безконечность» ²⁾.

Абсолютное равенство въ распредѣленіи произведенныхъ благъ—такое будетъ выводъ, если признать общественный характеръ производства и вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣленіе основывать на трудовомъ началѣ, предварительно стережъ всякія различія во внутренней природѣ отдѣльных видовъ труда, ни во что не поставивъ социальное значеніе этихъ различій и сведя на-нѣтъ различіе между рабочими, обусловленное ихъ природными способностями, развиваемыми обученіемъ и практикой. Но дѣйствительно ли какъ въ трудѣ, такъ и въ работникахъ, съ точки зрѣнія общества, замѣчается полное равенство?—Несомнѣнно, для производства какой-либо общественно-полезной работы требуются различныя услуги разныхъ лицъ. Для постройки дома нуженъ архитекторъ, нужны и каменщики. Въ этомъ смыслѣ и архитекторъ, и каменщикъ равно необходимы для производства работъ, но трудъ одного не равенъ труду другого. Архитекторъ, разрабатывая планъ постройки, создаетъ нѣчто новое, чего въ мірѣ раньше не было, каменщикъ по готовому образцу исполняетъ заданную работу, снѣ лишь помогаетъ воплотиться въ дѣйствительность вновь созданной формѣ. Трудъ архитектора и другихъ лицъ подобныхъ профессій, есть непрерывное открытіе для общества новыхъ путей и средствъ, благодаря которымъ общество въ извѣстныхъ областяхъ можетъ осуществлять свои цѣли. Отсюда явствуется, что социальное значеніе труда архитектора и каменщика не одно и то же, хотя они оба участвуютъ въ постройкѣ дома, и безъ архитектора и каменщиковъ въ надлежащемъ числѣ домъ построенъ

¹⁾ Proudhon. Qu'est-ce que la propriété?, гл. III, § 6, стр. 101. Русск. перев. 72.

²⁾ Proudhon. Qu'est-ce que la propriété?, гл. III, § 6, стр. 102. Русск. перев. 72—73. Къ дальнѣйшему см. Б. Черинъ. Собственность и государство. 1882 г. Ч. I, стр. 120—127.

не былъ бы. Въ зависимости отъ этого, опредѣляется и социальное значеніе личности. Если данное лицо соответствуетъ своей профессіи, то, чѣмъ выше его профессія, тѣмъ выше и его значеніе въ глазахъ общества. Съ другой же стороны, одаренная личность, возвышающаяся надъ среднимъ уровнемъ, представляетъ собою особую цѣнность для общества. Всякій можетъ стать чернорабочимъ, но быть хорошимъ художникомъ можетъ только избранный. Общество должно цѣнить интеллектуальную силу, ибо въ ней для него заключается возможность творчества новыхъ цѣнностей. Почему общество въ правѣ, и съ точки зрѣнія Прудона, оказывать личности за ея личныя преимущества знаки почета и уваженія, но какъ только рѣчь заходитъ о вознагражденіи, то, по совѣту того же Прудона, должно отвѣчать ей: «Справедливое вознагражденіе артиста, ученаго, поэта заключается уже въ одномъ томъ, что общество разрѣшаетъ имъ предаться исключительно наукѣ и искусству, такимъ образомъ они работаютъ на самомъ дѣлѣ не для себя, а для общества, которое создало ихъ и освободило ихъ отъ всякой другой повинности?» ¹⁾. Талантъ есть, по мнѣнію Прудона, коллективная собственность. Пусть будетъ правильно это, въ общемъ спорное, утвержденіе. Изъ него не слѣдуетъ, однако, что физическая сила чернорабочаго, которая тоже представляетъ собою коллективную собственность, равнялась бы въ своей общественной цѣнности духовной силѣ поэта или артиста. Коллективная собственность на различные объекты не исключаетъ различной цѣнности этихъ объектовъ. Держать въ черномъ тѣлѣ людей таланта и знаній, не значить ли платить имъ грубой неблагодарностью за то, что они сдѣлали и выказывать непростительное пренебреженіе къ скрытой въ нихъ возможности новыхъ достижений, а тѣмъ самымъ отнимать у нихъ всякую охоту подняться надъ уровнемъ чернорабочаго? Дѣло не въ томъ, конечно, что способный человекъ будетъ развивать свои силы только въ расчетѣ на повышенное вознагражденіе, а въ томъ, что возможность заниматься интеллектуальнымъ трудомъ обусловлена несравненно большимъ количествомъ затратъ, чѣмъ возможность заниматься какимъ-либо инымъ трудомъ, и, кромѣ того, чѣмъ богаче духовная организація личности, тѣмъ тоньше и изысканнѣе могутъ быть ея потребности. Эти соображенія примѣнимы также ко всякому виду

¹⁾ Proudhon. Qu'est-ce que la propriété?, гл. III, § 7, стр. 115—116. Русск. перев., стр. 82.

труда, возвышающемуся надъ болѣ простымъ сравнительно съ нимъ, видомъ труда, и ко всякой личности, поднявшейся надъ среднимъ уровнемъ. Восхождение по лѣстницѣ различнаго достоинства труда личныхъ дарованій и заслугъ, должно сопровождаться увеличеніемъ вознагражденія. Чѣмъ проще и легче трудъ, тѣмъ меньше плата, чѣмъ сложнѣе, труднѣе и отвѣтственнѣе трудъ, тѣмъ больше вознагражденіе; тѣмъ больше, наконецъ, вознагражденіе, чѣмъ выше духовная цѣнность личности.

Если даже допустить правильность того положенія, что всѣ виды труда равно необходимы и поэтому имѣютъ равное значеніе для общества, то тѣмъ не менѣе изъ него нельзя вывести равенства въ вознагражденіи представителей отдѣльных видовъ труда. Если воспользоваться приведеннымъ примѣромъ, то дѣло представится въ такомъ видѣ. Для постройки дома—предпріятія общепользнаго—равно необходимъ трудъ архитектора и трудъ каменщиковъ. Изъ этого, однако, слѣдуетъ только то, что общее количество благъ, причитающееся за исполненіе данной работы, слѣдуетъ раздѣлить на двѣ части. Одна часть выразитъ общественное значеніе одного труда, другая—другого. Обѣ части абсолютно равны такъ же, какъ равно, согласно сдѣланному допущенію, значеніе для общества обоихъ видовъ труда, но число архитекторовъ не равно числу каменщиковъ. Такъ какъ въ настоящемъ примѣрѣ выступаетъ одинъ архитекторъ, то онъ одинъ и получитъ ту же часть, которая пойдетъ въ раздѣлъ между нѣсколькими каменщиками. Само собою разумѣется, что въ цѣломъ обществѣ распредѣленіе пройдетъ въ болѣе сложныхъ условіяхъ, но къ измѣненію тамъ самого начала распредѣленія никакихъ основаній не предвидится, если твердо стоять на сдѣланномъ выше допущеніи. Другой вопросъ, насколько это допущеніе правильно. На внутреннее различіе видовъ труда и на различное значеніе ихъ для общества было указано. По существу говоря, желаніе Прудона извлечь начало распредѣленія изъ того обстоятельства, что общество принимаетъ только необходимый для него трудъ и что поэтому какой-либо принятый обществомъ трудъ становится равенъ въ этомъ отношеніи всякому другому принятому обществомъ труду, означаетъ желаніе основать распредѣленіе на такомъ ничего не говорящемъ положеніи: въ дѣлѣ созданія даннаго предмета и всѣхъ необходимыхъ для общества предметовъ равно необходимо примѣненіе всѣхъ тѣхъ видовъ труда и участіе всѣхъ тѣхъ лицъ, безъ

которыхъ эти предметы созданы не были бы.—Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что природныя различія между работниками одной и той же профессіи оказываютъ вліяніе на работу и ея исходъ. Рабочіе—не машины, а живые люди, и въ ходѣ самихъ машинъ имѣются различія: одни работаютъ плавно и безшумно, другіе—съ перебоями.

Въ общемъ, соображенія Прудона, которыми онъ оправдываетъ равенство въ распредѣленіи хозяйственныхъ благъ, сводятся къ слѣдующему. Въ обществѣ принимается—во вниманіе лишь общественно-необходимый трудъ, опредѣляемый совмѣстными усилиями опредѣленнаго количества работниковъ и опредѣленнымъ ограниченнымъ количествомъ объектов. Съ развитіемъ раздѣленія труда, упрощеніемъ и суженіемъ задачъ каждаго работника природныя различія въ индивидуальныхъ силахъ теряютъ значеніе. Трудъ одного работника становится количественно и качественно равенъ труду другого. Продуктъ одного работника также равенъ продукту другого, ибо всякій продуктъ есть воплощеніе общественно-необходимаго труда. Такъ какъ всѣ имѣютъ право на полный продуктъ труда и такъ какъ расчетъ каждаго производится продуктами другого, то ясно, что всѣ получаютъ продуктовъ въ одинаковомъ количествѣ.

Съ доводами Прудона невозможно согласиться.—Въ невѣрномъ свѣтѣ представлено имъ послѣдствіе раздѣленія труда. Основная цѣль, достигаемая раздѣленіемъ труда, сводится къ наиболѣе полному использованию разнообразныхъ способностей. Единая прежде работа распадается на рядъ отдѣльныхъ и различныхъ операций. Поэтому въ результатъ получается не сходство въ работѣ, а какъ разъ различіе. Правда, выполнять каждую отдѣльную операцию проще, чѣмъ всю работу въ цѣломъ, но это вовсе не значитъ, что всѣ операции уравниваются между собой. Специализация, сопряженная съ раздѣленіемъ труда, обособляетъ каждую вѣтвь работы въ особое занятіе, требующее своихъ приемовъ и навыковъ. Значительное упрощеніе вноситъ въ трудъ примѣненіе машинъ, но опять-таки лишь до извѣстнаго предѣла. Обращеніе съ большинствомъ машинъ требуетъ извѣстной специальной подготовки—не всякаго можно допустить ко всякой машинѣ; кромѣ того, значительное умственное напряженіе, котораго требуетъ работа при машинахъ, въ свою очередь не упрощаетъ, а осложняетъ требованія, предъявляемыя къ работнику. Чѣмъ подготовленнѣе,

чѣмъ болѣе умственно развитъ работникъ, тѣмъ успѣшнѣе его трудъ, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, его природныя дарованія и пріобрѣтенная ученіемъ и опытомъ сноровка выдѣляютъ его изъ общаго уровня. Примѣненіе машинъ не умаляетъ, а усугубляетъ природныя различія.

Прудонъ совершенно не хочетъ видѣть всего того значенія, какое въ процессъ работы имѣетъ личность, возвышающаяся надъ среднимъ уровнемъ. Кому не извѣстенъ тотъ фактъ, что для воодушевленія и примѣра иногда приглашается хорошій работникъ. Онъ словомъ и дѣломъ увлекаетъ за собой остальныхъ, и въ общемъ получается и сокращеніе часовъ работы для изготовленія прежняго количества продуктовъ, и продукты лучшаго качества. Значитъ ли это, что его усилія были нейтрализованы усиліями другихъ менѣе способныхъ или просто лѣнливыхъ работниковъ? Нисколько. Наоборотъ, ихъ отсталость или лѣнь были нейтрализованы его умѣніемъ и рвеніемъ. Если при расчетѣ ему будетъ выдѣлена часть наравнѣ со всѣми прочими, то онъ будетъ обдѣленъ, а остальные получаютъ незаслуженную выгоду. Можно быть увѣреннымъ, что при такихъ условіяхъ во второй разъ приглашать его будетъ безцѣльно: онъ или не пойдетъ, или, согласившись пойти, работать испанетъ такъ же, какъ и всѣ. Нейтрализація природныхъ неравенствъ произойдетъ такимъ образомъ не отъ условій, въ которыхъ производилась работа, но отъ несправедливаго распредѣленія созданныхъ продуктовъ. Но какъ же такъ? Значитъ необходимо одному дать больше, а другимъ меньше, и, слѣдовательно, при данномъ ограниченномъ количествѣ продуктовъ и опредѣленномъ числѣ работниковъ, соответственно уменьшить долю работниковъ среднихъ силъ, способностей и прилежанія? Несомнѣнно, такъ и слѣдуетъ поступить, ибо данное количество продуктовъ обязано своимъ возникновеніемъ труду всѣхъ работниковъ, повышенному, однако, благодаря участію выдающейся рабочей силы. Это повышение производительности труда произошло благодаря ей, она и должна быть оплачена въ повышенномъ размѣрѣ. Право на полный продуктъ труда даетъ исходъ притязаніямъ личности получить больше, если ей было исполнено больше работы, полезной для общества. Съ этой стороны конструкция права на полный продуктъ труда была бы безупречна; она непріемлема по другимъ основаніямъ.

Въ соображеніяхъ Прудона содержится здравая мысль, вносящая большую ясность въ пониманіе права на полный продуктъ

труда. Самъ Прудонъ, впрочемъ, использовалъ ее, въ связи съ другими основаніями, противъ права на полный продуктъ труда. Это—мысль о коллективной силѣ, которая складывается изъ индивидуальныхъ усилій, но тѣмъ не менѣе, не сводится къ простой суммѣ ихъ. Мысль эта не только оправдываетъ широкое вмѣшательство въ экономическую жизнь государства, какъ представителя коллективной силы, развиваемой обществомъ, но даетъ также государству справедливое основаніе прежде всего вычестъ и взять въ свою пользу изъ произведенныхъ продуктовъ то, что необходимо для удовлетворенія общественныхъ нуждъ, а затѣмъ остатокъ распредѣлить по отдѣльнымъ лицамъ, соотвѣственно ихъ труду. Такимъ образомъ, государство, какъ представитель коллективной силы общества, беретъ себѣ то, что ему причитается; граждане, какъ представители индивидуальныхъ усилій, вложенныхъ въ созданіе коллективной силы, получаютъ вслѣдъ за этимъ то, что имъ причитается. Право на полный продуктъ труда съ этой точки зрѣнія знаменуетъ собой ограниченіе притязаній государства на всѣ продукты въ цѣломъ. Утверждая за собой право на полный продуктъ труда, гражданинъ указываетъ государству, что въ созданіи коллективной силы есть его, гражданина, личная доля участія и что эта доля должна принадлежать только ему и никому другому. Понятое такимъ образомъ право на полный продуктъ труда выказываетъ свою силу и свою слабость—силу, ибо въ немъ утверждается личное начало съ учетомъ начала общественнаго,—слабость, ибо въ немъ содержится ограниченіе личного начала требованіемъ труда въ качествѣ необходимаго условія къ участію въ распредѣленіи продуктовъ. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства кругъ правомочныхъ лицъ сужается. Это, не есть право всѣхъ человѣческихъ личностей безъ исключеній, но право лишь тѣхъ изъ нихъ, которыя производительно трудятся, и принадлежить оно имъ лишь до тѣхъ поръ, пока они трудятся.

Если, невзирая на практическія затрудненія,—и очень большія,—которыя существуютъ и будутъ указаны попутно съ разборомъ права на существованіе, право на полный продуктъ труда будетъ введено, то этимъ социальный вопросъ не будетъ исчерпанъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ рамки этого права совершенно не укладываются нужды нетрудоспособныхъ лицъ. Старикъ, всю свою жизнь работавшій и создававшій, потерявъ способность къ

труду, выходитъ изъ разряда правомочныхъ лицъ въ смыслѣ обладанія правомъ на полный продуктъ труда—онъ не трудится и въ производствѣ продуктовъ участія не принимаетъ, поэтому онъ не долженъ принимать участія въ ихъ распредѣленіи. Рабочій, потерявъ способность къ труду, опять-таки исключается изъ разряда правомочныхъ лицъ. Въ этомъ же смыслѣ не пользуются правовой охраной всѣ больные до тѣхъ поръ, пока болѣзнь препятствуетъ имъ работать. Затѣмъ, трудоспособные, но безработные граждане, въ случаѣ введенія права на полный продуктъ труда, не смѣютъ притязать на какія-либо выдачи въ ихъ пользу и на томъ же основаніи: нѣтъ труда, нѣтъ и вознагражденія.—Неправильно было бы долагать, что безработицы быть не можетъ въ государствѣ, осуществившемъ право на полный продуктъ труда. Въ такомъ государствѣ трудъ станетъ обязанностью, и соответственно съ этимъ будетъ организовано все производство. Но всегда возможно, что нѣкоторая часть рабочихъ силъ останется временно безъ приложенія, ибо, хотя въ трудовомъ государствѣ всякая рабочая сила должна быть на учетѣ, но ошибки во всякомъ дѣлѣ неизбежны, тѣмъ болѣе, неизбежны онѣ въ государственномъ хозяйствѣ столь обширныхъ размѣровъ; а, кромѣ того, не всегда удается согласовать размѣры хозяйства съ возросшимъ количествомъ рабочихъ рукъ. Конечно, въ трудовомъ государствѣ то состояніе хозяйства, при которомъ не всѣ трудоспособныя лица будутъ заняты, представляется лишь, какъ состояніе временное, однако, оно возможно, и съ этимъ надлежитъ считаться. Говорить о правѣ на трудъ въ трудовомъ государствѣ не приходится, ибо въ немъ все народное хозяйство, состоя въ вѣдѣніи государства, должно быть организовано такъ, чтобы всѣ трудоспособные граждане не только находили себѣ работу, но и были бы привлекаемы къ работѣ. И если кто-либо останется безъ занятій, то это можетъ произойти здѣсь по вольной или невольной ошибкѣ,—но тогда ошибку легко исправить по заявленію заинтересованныхъ лицъ или по усмотрѣнію властей,—или же въ силу фактической невозможности дать работу въ настоящій моментъ тому, кто въ ней нуждается. Слѣдуетъ къ этому добавить, что заявленіе не получившаго работы лица объ исправленіи ошибки нельзя рассматривать, какъ осуществленіе права на трудъ. Это есть указаніе тому, кому о семъ вѣдать надлежитъ, въ случаѣ неисполненія обязанности привлечь данное лицо къ работѣ. Въ трудовомъ госу-

дѣлствѣ, кромѣ того, менѣе всего можно было бы говорить о правѣ на трудъ, какъ о субсидіарномъ правѣ, въ установленномъ выше смыслѣ этого слова. Вѣдь только у государства граждане могутъ получить работу, никуда въ другое мѣсто имъ за этимъ обратиться нельзя, поэтому право на трудъ, какъ право субсидіарное, въ вышеуказанномъ смыслѣ, теряетъ всякое значеніе. Когда хозяйственная жизнь находится въ рукахъ частныхъ лицъ, то, въ случаѣ невозможности найти у нихъ работу, въ качествѣ вспомогательнаго средства, выступаетъ работа въ государственныхъ учрежденіяхъ. Но когда вся хозяйственная жизнь сосредоточена въ государствѣ, то рѣчь о недостаткѣ свободныхъ мѣстъ для работниковъ можетъ пойти только относительно государства, а не относительно частныхъ предпринимателей, и это можетъ встрѣтиться лишь въ томъ случаѣ, если организація государственнаго хозяйства несовершенна, по винѣ ли заведующихъ лицъ или по другимъ причинамъ. Всѣ несовершенства такого рода должны быть исправлены, но не во имя права на трудъ, а просто потому, что всякое несовершенство государственной организаціи подлежитъ исправленію. Если въ трудовомъ государствѣ желательно, во что бы то ни стало, поговорить о правѣ на трудъ, то это возможно развѣ только въ вышеустановленномъ смыслѣ права на допущеніе къ труду или права на удержаніе за собой работы. Иначе получился бы такой выводъ: тѣ граждане, для которыхъ работа есть, обязаны трудиться, а тѣ граждане, для которыхъ работы нѣтъ, трудиться только въ правѣ, но не обязаны; вмѣстѣ же съ тѣмъ, на тѣхъ и на другихъ въ трудовомъ государствѣ лежить одинаковая обязанность нести трудовую повинность.—Возвращаясь къ праву на полный продуктъ труда, слѣдуетъ кромѣ того отмѣтить, что оно совершенно не касается несовершеннолѣтнихъ лицъ, еще неспособныхъ къ труду. Подобно тому, какъ, по ученію Гумбольдта, заботу о положительномъ благѣ подрастающаго поколѣнія государство беретъ на себя лишь по исключенію изъ общаго правила, такъ и въ государствѣ, признавшемъ право на полный продуктъ труда, заботу о подрастающемъ поколѣніи государство возьметъ на себя лишь по исключенію—до тѣхъ поръ, пока несовершеннолѣтній находится въ періодѣ малолѣтства и требуетъ для себя особаго ухода, и до тѣхъ поръ вообще, пока онъ не можетъ жить собственнымъ трудомъ, его интересы нисколько не предусматриваются конструкціей права

на полный продукт труда. По учению Гумбольдта въ задачу государства не входитъ забота о положительномъ благѣ гражданъ; ученіемъ о правѣ на полный продуктъ труда предусматриваются только интересы производителей, въ немъ интересамъ другихъ лицъ не отведено мѣста. Нужны поэтому особыя основанія, способныя побудить государство, признавшее право на полный продуктъ труда, опенестись къ судьбѣ несовершеннолѣтнихъ съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживаютъ; прямо и непосредственно судьбы этихъ лицъ право на полный продуктъ труда не касается.

Итакъ, ни право на полный продуктъ труда, ни, въ еще меньшей мѣрѣ, право на трудъ не обслуживаютъ нужды всѣхъ гражданъ безъ исключенія. Общая черта обоихъ правъ та, что носителями ихъ состоятъ трудоспособныя лица. Они не касаются человѣческой личности, какъ таковой. Они поэтому, по своей природѣ не всенародны, ибо въ составъ народа входятъ, какъ лица сильныя и способныя къ труду, такъ и лица слабыя, больныя, къ труду неспособныя.

Остается теперь разсмотрѣть третье основное экономическое право—право на существованіе.

Какъ же опредѣляется это право?—«Каждый членъ общества имѣетъ право для поддержанія своего существованія получить всѣ необходимыя предметы и услуги сообразно съ наличными средствами, прежде чѣмъ будутъ удовлетворены менѣ насущныя потребности другихъ»¹⁾. Содержаніе этого права Менгеръ поясняетъ такимъ образомъ: «Среди потребностей по своей практической важности выдѣляются тѣ, удовлетвореніе которыхъ необходимо для поддержанія образа жизни, необходимаго для человѣческаго существованія, и которыя поэтому можно назвать жизненными потребностями. Если правовая система признаетъ за каждымъ членомъ общества право требовать, чтобы ему даны были, въ размѣрѣ возможномъ при существующихъ средствахъ всѣ вещи и услуги, необходимыя для поддержанія образа жизни, достойнаго человѣка, прежде чѣмъ будутъ удовлетворены менѣ важныя потребности другихъ, то въ ней существуетъ право на существованіе. Смотря по возрасту отдѣльнаго лица,—это право имѣетъ различное содержаніе. У несовершеннолѣтнихъ оно заключаетъ въ себѣ право на поддержаніе жизни, у стариковъ на

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 19—20.

уходъ. Наше современное право въ воспитательныхъ домахъ и приютахъ, въ страхованіи противъ безработицы, болѣзни, несчастій, старости и инвалидности, обнаруживаетъ жалкія попытки къ осуществленію права на существованіе» ¹⁾.

Съ указанной точки зрѣнія—и эта точка зрѣнія наиболѣе правильна—правомъ на существованіе обладаетъ каждый гражданинъ, независимо отъ того, трудоспособенъ ли онъ, или нѣтъ, боленъ или здоровъ, малолѣтенъ или достигъ преклоннаго возраста. Каждый гражданинъ, въ силу самого факта рожденія, имѣетъ право требовать отъ государства предоставленія ему имущественныхъ средствъ, обеспечивающихъ его существованіе. Это право, слѣдовательно, безусловно. Сохраняется оно до смерти правомочнаго лица.

Съ особой силой природа права на существованіе выражена у философа Фихте. «Цѣль всякой человѣческой дѣятельности,—говоритъ онъ,—заключается въ томъ, чтобы имѣть возможность жить; всѣ, призванные природой къ жизни, имѣютъ одинаковое правопритязаніе на эту возможность жить. Поэтому распредѣленіе благъ должно прежде всего быть произведено такъ, чтобы всѣ могли при немъ продолжать существованіе. Жить и давать возможность жить!» ²⁾. Назначеніе государства, по мнѣнію Фихте, состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего обезпечить за гражданами это правопритязаніе.

Государство, признавшее за каждымъ гражданиномъ право на существованіе, въ указанномъ смыслѣ этого слова, расширяетъ свои задачи далеко за предѣлы тѣхъ границъ, которыя были поставлены его дѣятельности Гумбольдтомъ и его школой. Забота о положительномъ благѣ гражданъ, въ видѣ обезпеченія ихъ существованія, становится первѣйшей обязанностью государства. Каждая человѣческая личность должна имѣть возможность существовать—съ этой цѣлью заботу о существованіи гражданина государство беретъ на себя. Это—не государственная благотворительность. Государство, обезпечивая существованіе гражданъ, не подаетъ имъ милостыню, а исполняетъ ихъ правопритязаніе. Подача милостыни обусловлена волей лица дающаго: захочетъ оно,

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. Русск. перев. подъ ред. В. Л. Шандера. 1905 г., гл. VII, стр. 101—102.

²⁾ Johann Gottlieb Fichte. Der geschlossene handelsstaat, гл. I, стр. 81 (по изд. Reclam'a). Первое изд. было въ 1800 г.

подасть ее, не захочетъ, не подастъ; нищему ничего ни съ кого не причитается: Гражданинъ, предъявляя свое требованіе къ государству о содержаніи, осуществляетъ свое право, государство, удовлетворяя его, исполняетъ свою обязанность. Въ этомъ заключается огромная разница между призрѣніемъ бѣдныхъ, построенномъ на началахъ благотворительности, и мѣропріятіями, направленными къ предворенію въ жизнь права на существованіе. Но здѣсь возникаетъ большое сомнѣніе,—не будетъ ли государство, что называется, разводить туеядцевъ, если за всѣми и каждымъ признаетъ право требовать для себя содержаніе. Другими словами, въ какомъ отношеніи право на существованіе находится къ идеѣ трудового государства? Не противорѣчить ли оно ей?

Отвѣтъ на это сомнѣніе можно, повидимому, найти въ соображеніяхъ того же Фихте. Въ самомъ краткомъ видѣ его разсужденія по данному предмету сводятся къ слѣдующему.—Высшая и общая цѣль всякой свободной дѣятельности—это возможность жить. Эту цѣль преслѣдуетъ каждый. Безъ достиженія ея свобода и продолженіе существованія личности не были бы возможны. Возможность жить есть абсолютная неотчуждаемая собственность всѣхъ людей. Эта собственность обезпечивается государствомъ. Отсюда слѣдуетъ, что каждый бѣднякъ, т.-е. тотъ гражданинъ, которому его собственность, въ указанномъ смыслѣ, не была государствомъ обезпечена, имѣетъ абсолютное принудительное право на вспомошествованіе. Нельзя дать гражданину погибнуть, если даже въ бѣдственномъ положеніи онъ очутился по своей винѣ. вспомошествованіе граждане получаютъ въ соответственныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Съ другой же стороны, основное начало каждаго разумнаго государственнаго устройства состоитъ въ томъ, что «каждый долженъ имѣть возможность жить своимъ трудомъ». Государство должно создать учрежденія, въ которыхъ работа гражданъ приводила бы къ этой цѣли. Возможность жить обусловлена трудомъ, и имѣть права на это въ томъ случаѣ, если сказанное условіе не выполнено. Никто не имѣетъ правового притязанія на помощь государства, пока не докажетъ, что имъ въ своей сферѣ дѣятельности сдѣлано все возможное съ цѣлью пропитать себя и что, несмотря на то, ему не удалось этого достигнуть. Въ государствѣ, устроенномъ по началамъ разума, не должно быть ни бѣдняковъ, ни людей праздныхъ.—Итакъ,—таково общее заключеніе

изъ приведенныхъ вкратцѣ разсуждений Фихте—право на существованіе обусловлено обязанностью труда.—Привлеченіе гражданъ къ отправленію обязанности труда и надзоръ за ея исполненіемъ принадлежатъ, по мнѣнію Фихте, государству. Государство надзираетъ за тѣмъ, работаетъ ли каждый гражданинъ столько, сколько необходимо для жизни ¹⁾).

Сравнительно недавно въ русской литературѣ указанное выше сомнѣніе было отмѣчено и попытка къ его разрѣшенію была сдѣлана извѣстнымъ цивилистомъ проф. І. А. Покровскимъ. Соображенія проф. Покровскаго по этому предмету и вообще о правѣ на существованіе сводятся къ слѣдующему.—На кого будетъ простираться право на существованіе, кто будетъ его имѣть?—Конечно, всѣ тѣ,—отвѣчаетъ проф. Покровскій,—которые сами себя содержать не могутъ. Сюда, безъ всякаго сомнѣнія, относятся, прежде всего, лица нетрудоспособныя, отъ какихъ бы причинъ эта неспособность къ труду ни происходила, т. е. дѣти, инвалиды труда—старики, больные и т. д. Всѣ эти лица уже теперь являются объектами общественнаго—государственнаго или коммунальнаго—призрѣнія. Значительно сложнее представляется проф. Покровскому вопросъ по отношенію къ лицамъ трудоспособнымъ, но впадшимъ въ критическое положеніе вслѣдствіе неурожая, отсутствія работы и тому подобныхъ, въ нормальномъ обществѣ временныхъ, причинъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и эти лица не могутъ быть отданы на жертву голодной смерти. Сложность вопроса по отношенію къ этой категоріи заключается въ слѣдующемъ. Если будетъ признано право на существованіе, то, спрашивается, не явится ли оно поощреніемъ къ лѣности, не вызоветъ ли оно необычнаго возрастанія контингента, лежащаго на плечахъ государства, и не поведетъ ли оно въ концѣ-концовъ къ духовной деморализаціи и къ экономическому разоренію народа? Опасенія эти, однако, при болѣе внимательномъ отношеніи оказываются, по мнѣнію проф. Покровскаго, совершенно неосновательными. «Вѣдь государство беретъ на себя обязанность поддерживать лишь на случай отсутствія работы, на случай невозможности ее достать. Въ виду этого, обя-

¹⁾ Johann Gottlieb Fichte. Grundlage des Naturrechts. 1797 г.; ч. II, § 18, стр. 30—34. Цѣлостное изложеніе и оцѣнку взглядовъ Фихте дасть Б. П. Вышеславцевъ въ своемъ трудѣ «Этика Фихте. Основы права и нравственности въ системѣ трансцендентальной философіи». 1914 г. См. особ. отд. IV, стр. 395—437.

занность государства по отношению къ трудоспособнымъ естественно принимаетъ такой видъ: или содержи, или дай работу. Когда государство окажется въ состояніи предложить призрѣваемому работу, его обязанность содержать его *eo ipso* прекращается». На государствѣ, такимъ образомъ, лежитъ альтернативная обязанность—или содержать, или предложить работу. Право на существованіе заключаетъ въ себѣ только право требовать отъ государства обезпеченія необходимыхъ условій существованія, пока не будетъ найдена или предложена работа; дать работу—это право государства, которымъ оно можетъ воспользоваться для освобожденія отъ выдачи содержанія, но не его обязанность ¹⁾. Конструкція проф. І. А. Покровскаго предполагаетъ строй хозяйственныхъ отношеній, основанный на частной собственности.

Съ точки зрѣнія Фихте, условіемъ права на существованіе является выполненіе лежащей на каждомъ гражданинѣ обязанности труда; государство въ свою очередь обязано къ предоставленію работы. Проф. Покровскій вопросъ объ обязанности государства дать работу обсуждаетъ особо, въ связи съ вопросомъ о правѣ на трудъ, примѣнительно же къ праву на существованіе сводить обязанность государства къ альтернативѣ—или дать содержаніе, или дать работу. Такимъ образомъ, съ его точки зрѣнія, государство въ правѣ работы не дать, но тогда оно обязано содержать, оно также въ правѣ работу дать, но тогда оно не обязано содержать. Если гражданинъ, слѣдовательно, будучи трудоспособенъ и имѣя возможность работать у частнаго предпринимателя или у государства, тѣмъ не менѣе не работаетъ, то онъ теряетъ право требовать себѣ отъ государства содержаніе. Забота о содержаніи трудоспособныхъ гражданъ прекращается у государства тогда, когда они получаютъ работу. Право нетрудоспособныхъ лицъ на содержаніе этимъ условіемъ, естественно, не ограничивается. Но, несомнѣнно, что оно имъ принадлежитъ, ибо «право на существованіе, въ его точномъ юридическомъ смыслѣ, касается лицъ неработающихъ (по неспособности или невозможности, безразлично)» ²⁾. Притязаніе ихъ къ государству, очевид-

¹⁾ І. А. Покровскій. Право на существованіе. Соціально-философскіе этюды проф. П. И. Новгородцева и проф. І. А. Покровскаго подъ общимъ заглавіемъ: «О правѣ на существованіе» въ изд. «Свободное Знаніе». Sine anno, стр. 37—39, 41.

²⁾ І. А. Покровскій. Право на существованіе, стр. 42.

но, выражается не въ видѣ альтернативы—или содержи, или дай работу,—но просто: « содержи ».

Если встать на ту точку зрѣнія, что притязаніе пражданина къ государству о предоставленіи средствъ къ существованію обусловлено трудомъ, то вся конструкція пріобрѣтаетъ такой видъ: кто трудится, тотъ имѣетъ право на существованіе, въ указанномъ смыслѣ, кто не трудится, тотъ такового права не имѣетъ. Въ число правомочныхъ лицъ нетрудоспособныя лица не входятъ. Ихъ интересы лишь по исключенію могутъ отразиться въ правѣ на существованіе, лишь по исключенію оно можетъ быть имъ предоставлено. Если же признать, что право на существованіе касается всѣхъ лицъ, неработающихъ по неспособности или по невозможности, то вся конструкція сводится къ слѣдующему: кто нетрудоспособенъ и кто трудоспособенъ, но, помимо своей воли, не имѣетъ работы, тотъ обладаетъ правомъ на существованіе, въ указанномъ смыслѣ; кто же трудоспособенъ и имѣетъ работу, тотъ таковымъ правомъ не обладаетъ. По первой конструкціи трудъ есть условіе возникновенія права на полученіе содержанія отъ государства, по второй—трудъ есть условіе прекращенія права требовать отъ государства содержанія и, соответственно, обязанности государства давать содержаніе. По второй конструкціи, кромѣ того, кругъ правомочныхъ лицъ самъ по себѣ шире, чѣмъ по первой—лица нетрудоспособныя входятъ въ него по общему правилу, а не по исключенію. Напротивъ, было бы исключеніемъ, если, принявъ вторую конструкцію, тѣмъ не менѣе сохранить у занятыхъ работой лицъ право на полученіе отъ государства содержанія, установленнаго для лицъ неработающихъ по уважительнымъ причинамъ.

Для того, чтобы разрѣшить указанное выше сомнѣніе и опредѣлить, насколько правильны изложенныя конструкціи, необходимо найти правовое понятіе, которое обладало бы всеобщностью своего примѣненія. Теорія государственной дѣятельности и теорія личныхъ правъ только тогда не будутъ носить половинчатаго характера, когда отразятъ въ себѣ интересы всѣхъ личностей безъ исключенія. Такими всеобщими понятіями до сего времени считались свобода и равенство. Всѣ люди свободны и равноправны. Ограниченія свободы и равенства допускаются лишь по соображеніямъ общественной пользы. Обезпеченіе и охрана свободы и равенства—основная задача государства. Въ настоящее время не

только свобода и равенство, но само бытіе личности становится предметомъ государственныхъ заботъ. Государство должно имѣть въ виду предпосылку свободы и равенства—человѣческую личность и, обезпечивая существованіе человѣческой личности, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечивать и охранять ея свободу и равенство съ другими человѣческими личностями. Искомое понятіе—это человѣческое существованіе. Существованіе личности тѣсно связывается съ существованіемъ государства, ибо отъ государства личность должна получить возможность своего дальнѣйшаго существованія. Государство мыслится, какъ союзъ, безъ котораго бытіе личности отдается на произволъ случая, какъ союзъ, слѣдовательно, благодаря которому существованіе личности не прекращается. Государство есть учрежденіе, одной изъ заботъ котораго является обезпеченіе и охрана правъ. Человѣческое существованіе изъ факта должно превратиться въ право. Иначе это произойти не можетъ, какъ въ силу признанія со стороны государства того, что всѣ человѣческія существа, состоящіе гражданами даннаго государства, имѣютъ право на полученіе отъ него для себя содержанія, обезпечивающаго ихъ жизнь. Это ихъ право совершенно не зависитъ отъ того, имѣется ли у нихъ работа или нѣтъ, трудоспособны они или нетрудоспособны. Это право, слѣдовательно, никоимъ образомъ не ограничивается условіемъ труда. Но въ такомъ случаѣ немедленно возникаетъ то же сомнѣніе. Вѣдь именно такая конструкція права на существованіе создаетъ, повидимому, изъ государства какой-то пигомникъ тунеядцевъ. Какъ же быть?

Въ настоящее время, кромѣ идеи права каждой личности на существованіе, выдвинута еще идея трудового государства, въ которомъ, въ случаѣ ея полного воплощенія въ жизнь, на всѣхъ гражданахъ лежитъ публично-правовая обязанность труда. Въ трудовомъ государствѣ никто не въ правѣ уклоняться отъ исполненія трудовой повинности, развѣ только имѣется полная къ отбытію ея неспособность. Такимъ образомъ, если право на существованіе даетъ каждому определенное правомочіе, то обязанность труда возлагаетъ на каждаго определенную повинность. Существованіе—это право, трудъ—это обязанность. Но это право и эта обязанность юридически не связаны между собой. Безконечная цѣнность человѣческой личности—такова нравственная идея, лежащая въ основаніи права на существованіе, неизбежность труда для человѣчества—такова та мысль, подтверждаемая опытомъ

всѣхъ временъ, странъ и народовъ, которая положена въ основаніе всеобщей обязанности труда. Съ точки зрѣнія права на существованіе жизнь человѣка заслуживаетъ сохраненія во что бы то ни стало, ибо въ ней заключена безконечная духовная сила; съ точки зрѣнія обязанности труда жизнь человѣческаго существа заслуживаетъ сохраненія не безусловно, но лишь постольку, поскольку въ ней заключена рабочая сила; оцѣниваемая тѣмъ или другимъ способомъ. Если за каждымъ гражданиномъ признано право на существованіе, то оно подлежитъ исполненію, совершенно независимо отъ предварительнаго разрѣшенія вопроса о томъ, выполнитъ ли гражданинъ, заявляющій государству требованіе о предоставленіи ему средствъ къ существованію, самъ съ своей стороны, лежащую на немъ обязанность труда. Право на существованіе принадлежитъ ему, какъ неотъемлемое право чело-вѣческой личности, обязанность труда лежитъ на немъ лишь постольку, поскольку онъ представляетъ собою рабочую силу.

Предоставленіе средствъ къ жизни имѣетъ различное значеніе, въ зависимости отъ взгляда на него съ точки зрѣнія права на существованіе или съ точки зрѣнія обязанности труда. Въ первомъ случаѣ, оно составитъ содержаніе права требованія и, соотвѣтственно, содержаніе обязанности исполненія. Во второмъ случаѣ, оно можетъ быть э-тимъ, но можетъ и не быть. Конечно, не питаясь, рабочій трудиться не можетъ, ибо питаніе есть естественное условіе работы, но не всегда оно является вмѣстѣ съ тѣмъ юридическимъ условіемъ, безъ исполненія котораго работа была бы юридически немислима. Безвозмездный трудъ юридически возможенъ. Это, примѣнительно ко всеобщей обязанности труда, значило бы, что граждане исполняли бы свою обязанность труда, ничего взамѣнъ не получая, средства же пропитанія добывали бы себѣ сами, помимо того, въ чью пользу они несутъ обязанность труда, т.-е. государства. И если государство, требующее работы, избавить ихъ отъ необходимости самимъ заботиться, кромѣ исполненія своей обязанности, еще и о собственномъ пропитаніи, т.-е. дать имъ средства къ жизни въ томъ или другомъ видѣ, то, это можетъ быть и исполненіемъ юридической обязанности, государствомъ на себя принятой, и актомъ милости, или расчета съ его стороны. Съ этой точки зрѣнія предоставленіе работнику средствъ къ жизни не составляетъ непремѣнно содержанія субъективнаго права требованія работника. Обязанность

труда еще ничего не говоритъ о правѣ на средства къ жизни. Введеніе обязанности труда вообще ничего не говоритъ о томъ, будетъ ли эта обязанность возмездной или безвозмездной.

Правильнѣе было бы посмотрѣть на дѣло такъ, что обязанность труда возлагается государствомъ на гражданъ совершенно независимо отъ обезпеченія права на существованіе. Этимъ достигается то, что кругъ лицъ, обладающихъ правомъ на существованіе, не ограничивается только трудоспособными гражданами. Отъ этого принципиальная постановка вопроса о правѣ на существованіе только выиграетъ. Право на существованіе признается такимъ путемъ за гражданиномъ просто потому, что онъ—человѣческая личность, совершенно независимо отъ того, представляетъ ли онъ собою еще и рабочую силу. Въ виду же общей обязанности труда, лежащей на каждомъ гражданинѣ, трудоспособность всѣхъ гражданъ предполагается, и гражданинъ, такимъ образомъ, освобождается отъ работы лишь тогда, когда докажетъ, что въ его лицѣ представлены обстоятельства, исключаяющія возможность труда: болѣзнь, старость и т. п. Поэтому то положеніе Фихте, что никто не имѣетъ правового притязанія на помощь государства, пока не докажетъ, что имъ въ сферѣ своей дѣятельности сдѣлано все возможное съ цѣлью пропитать себя и что, несмотря на то, ему не удалось достичь этого, нельзя признать вполне согласованнымъ съ признаннымъ самимъ же Фихте абсолютнымъ правомъ каждаго бѣдняка на вспомошествованіе. Гражданинъ пользуется отъ государства средствами къ жизни, не будучи обязанъ сперва доказать, что имъ сдѣлано все возможное съ цѣлью самостоятельно добыть ихъ и что его постигла неудача въ этомъ отношеніи не по его винѣ. Онъ имѣетъ право на существованіе и на основаніи этого права требуетъ отъ государства всего необходимаго для поддержанія жизни. Это его требованіе само по себѣ подлежитъ удовлетворенію. Независимо отъ этого, въ виду лежащей на всѣхъ трудовой повинности, каждый гражданинъ обязанъ исполнять какую-либо работу. Эта обязанность относительно каждаго предполагается. Въ виду этого, въ случаѣ, если рѣчь заходить объ исполненіи обязанности труда, но не въ случаѣ, если рѣчь идетъ объ осуществленіи права на существованіе, гражданинъ обязанъ доказать, что извинительныя обстоятельства препятствуютъ ему свою обязанность труда исполнить. Именно эти обстоятельства, освобождающія гражданъ отъ

несения трудовой повинности, надлежит ему доказать, а не то, что онъ исполнитъ все возможное съ цѣлью своимъ трудомъ достать себѣ средства къ жизни, но его усилія, помимо его воли, не увеличатся успѣхомъ. На основаніи изложеннаго нельзя счесть совершенной конструкцію права на существованіе, предложенную Фихте.

По словамъ Менгера, трудовое государство въ основѣ своей имѣетъ ту мысль, что поддержаніе и сохраненіе индивидуальнаго существованія, продолженіе рода, наконецъ, безопасность жизни, здоровья и тѣлесной неприкосновенности, являющіяся важнѣйшей цѣлью индивидуальной жизни, должны быть также и главнѣйшей задачей государственной дѣятельности, что, вообще говоря, главной цѣлью дѣятельности трудового государства являются индивидуальные интересы большихъ народныхъ массъ¹⁾. Несомнѣнно, что къ этому надо стремиться. Слѣдуетъ поставить цѣлью трудового государства, — если оно когда-либо въ дѣйствительности будетъ создано, — обезпеченіе условий индивидуальной жизни каждаго гражданина. Но эта цѣль непосредственно не вытекаетъ изъ понятія о трудовомъ государствѣ. Не индивидуальная жизнь, какъ таковая, важна для трудового государства, но лишь жизнь того, кто можетъ трудиться. Не интересы народныхъ массъ призвано оно удовлетворять, а интересы народныхъ трудящихся массъ. Для трудового государства личность не есть самоцѣль, но лишь средство къ достиженію задачъ, поставленныхъ трудомъ и изъ труда вытекающихъ. Этотъ взглядъ на человѣка, какъ на рабочую силу, опредѣляется задачей трудового государства, состоящей въ томъ, что хозяйство организуется такъ, чтобы ни одна сила природы или человѣка не пропала бы непроизводительно. Поэтому трудовое государство, по существу своему, заботится лишь о рабочихъ силахъ и объ ихъ приложеніи, все же, что не соприкасается съ задачами, выдвинутыми трудомъ, не входитъ и въ задачу трудового государства. О несовершеннотѣхъ, напримѣръ, трудовое государство можетъ заботиться въ расчетѣ получить въ будущемъ изъ нихъ работниковъ, о больныхъ — въ расчетѣ на ихъ выздоровленіе. Но личность, какъ таковая, его не интересуетъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ поставить цѣлью установленія трудового государства

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ, гл. IV, стр. 23, гл. III, стр. 20.

достиженіе такого порядка, который каждому обезпечить бы его существованіе. Трудовое государство должно быть средством къ достиженію той основной цѣли, которую преслѣдуетъ каждый индивидъ—человѣческое существованіе. Непосредственнымъ выводомъ отсюда будетъ то, что работа не на себя только, но и на другихъ, составить главнѣйшую обязанность гражданъ того государства, въ которомъ, будетъ признано право на существованіе. Только тогда, когда въ государствѣ накопится излишекъ, достаточный для покрытія жизненныхъ нуждъ всѣхъ гражданъ, право на существованіе будетъ въ немъ обезпечено за всѣми ними вмѣстѣ и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Нѣкоторая часть гражданъ будетъ получать при этомъ нетрудовой доходъ, а именно, нетрудоспособныя лица.

Какъ сочетать идею трудового государства и идею права каждой личности на существованіе? Всеобщая обязанность труда, составляющая особенность трудового государства, продиктована интересами всего государства въ цѣломъ, какъ хозяйственной единицы. Исполнять эту обязанность могутъ только трудоспособные граждане. Казалось бы, что поэтому только для нихъ и должны быть обезпечены всѣ права въ качествѣ результата несенія ими трудовой повинности. Тогда обязанность труда не представлялась бы для гражданина чѣмъ-то чуждымъ. Онъ трудился бы только для себя и ни для кого больше. За свой трудъ онъ получать бы право на удовлетвореніе своихъ жизненныхъ потребностей. Весь народъ представлялъ бы собою совокупность работниковъ, надѣленныхъ всѣми правами, и въ средѣ полноправныхъ гражданъ не нашлось бы мѣста для неспособнаго къ труду лица, безразлично, по какой причинѣ оно нетрудоспособно—оно нетрудоспособно, а потому въ трудовомъ обществѣ неполноправно, у него нѣтъ права получать отъ государства и отъ государственныхъ союзовъ средствъ, для поддержанія жизни. Каждый трудоспособный гражданинъ работалъ бы только въ свою пользу, а нетрудоспособному, какъ неработающему и не имѣющему поэтому права на существованіе, было бы предоставлено «право на смерть». Эту картину нельзя не считать чудовищной. Въ интересахъ продолженія существованія самого государства необходимо возложить на всѣхъ трудоспособныхъ лицъ заботу о подрастающемъ поколѣніи, и если въ извѣстныхъ случаяхъ эту заботу государство принимаетъ на себя, то возложить на нихъ

обязанность трудиться въ размѣрѣ, достаточномъ для покрытія всѣхъ связанныхъ съ этимъ расходовъ государства. Въ подрастающемъ поколѣніи зрѣетъ рабочая сила. Не вступая въ противорѣчіе съ своими задачами, трудовое государство можетъ также взять на себя заботу о существованіи временно нетрудоспособныхъ гражданъ,—однимъ словомъ, о существованіи всѣхъ тѣхъ, которые, если не теперь, то, хотя бы въ будущемъ, представлятъ собой рабочую силу. Забота о существованіи всѣхъ гражданъ безъ исключенія въ задачи трудового государства не входитъ. Однако нельзя свести цѣль государственной дѣятельности къ организаціи хозяйства, развитію производительныхъ силъ и заботамъ о рабочихъ силахъ. Истинная цѣль государственной дѣятельности—содѣйствіе насажденію и развитію культуры. Естественное условіе культуры—трудъ. Поэтому государство вмѣшивается въ организацію хозяйства, беретъ на себя заботу о развитіи производительныхъ силъ и заботу о рабочихъ силахъ. Нравственное условіе культуры—достойное существованіе человѣческой личности. Поэтому государство должно заботиться о всемъ народѣ, состоящемъ изъ трудоспособныхъ и нетрудоспособныхъ лицъ. Оба условія въ государствѣ сочетаются и черезъ государство вступаютъ въ жизнь въ неразрывномъ союзѣ. Всеобщая обязанность труда и право каждого гражданина на существованіе взаимно дополняютъ другъ друга.

Современное государство, хозяйственный строй котораго основанъ на принципѣ частной собственности, точно также не должно оставлять своими заботами человѣческую личность съ ея стремленіемъ жить. Пренебрежительное отношеніе къ человѣческой личности затрагиваетъ весь народъ. Съ паденіемъ всѣхъ сословныхъ перегородокъ, возвышавшихся прежде между отдѣльными слоями народа и даже сообщавшихъ извѣстнымъ группамъ и лицамъ особыя закрѣпленныя въ правѣ экономическія преимущества, всѣ члены даннаго народа связаны едиными узамъ. Всѣхъ ихъ вмѣстѣ по общему правилу объединяетъ совершенно одинаковое правовое положеніе. Всѣ граждане свободны и равноправны. Экономическія различія, противоположность между богатствомъ и бѣдностью, довольствомъ и нищетой, не результатъ какихъ-либо установленныхъ правомъ особыхъ экономическихъ преимуществъ, но результатъ всего правового и экономического строя, основаннаго на частной собственности. Право

ни для кого не закрываетъ доступа къ приобрѣтенію собственности и въ случаѣ, если собственность будетъ приобрѣтена, то охраняетъ ее отъ посягательствъ, съ чьей бы стороны эти посягательства ни исходили. Поэтому приобрѣтеніе и утрата собственности составляетъ, повидимому, только личное дѣло. Но это далеко не такъ. По крайней мѣрѣ, утрата собственности какимъ-либо гражданиномъ касается всего народа. Если постигшее кого-либо несчастье у сосѣда возбуждаетъ мысль о томъ, что его дѣхата съ краю, онъ ничего не знаетъ, и что бѣду, можетъ быть, пронесетъ мимо него, то весь народъ разсуждать такъ не можетъ. Народъ знаетъ, что стоитъ только въ области правовой охраны личной и имущественной безопасности допустить умаленіе или нарушеніе правъ въ одномъ мѣстѣ, какъ то же послѣдуетъ и въ другомъ. Народъ, кромѣ того, долженъ знать, что если въ области экономическихъ отношеній существованіе гражданъ не обезпечено, то каждого изъ нихъ можетъ постигнуть одна и та же плачевная судьба—нужда и лишенія утrophаютъ всѣмъ, ибо нѣтъ никакихъ ручательствъ, что однажды приобрѣтенное достояніе навсегда останется у обладателя. Въ нуждѣ и голодѣ одной личности кроется для всякой другой предостереженіе: и она можетъ испытать ту же судьбу. Личность и общество во всѣхъ областяхъ жизни предполагаютъ другъ друга. Поэтому несчастье, постигшее одного, есть вмѣстѣ съ тѣмъ несчастье всего народа. Каждый долженъ застраховаться въ своихъ же собственныхъ интересахъ отъ такихъ несчастій, какъ голодъ, нужда и лишенія ¹⁾. Это—всенародное дѣло. Исполнить его иначе нельзя, какъ признавъ за каждымъ гражданиномъ право на существованіе и, соотвѣтственно, возложивъ на государство, какъ на представителя всенародныхъ интересовъ, обязанность обезпечить удовлетвореніе жизненныхъ потребностей гражданъ, впавшихъ въ безысходную нужду не по своей винѣ. Государству надлежитъ принять на себя эту обязанность, ибо присутствіе въ немъ гражданъ, которымъ терять нечего, подрываетъ основы его собственнаго существованія, творя народу расколъ на части, враждебныя другъ другу и ослабляя тѣмъ самымъ силы государства внутри и во внѣ. Отъ признанія права на существованіе зависитъ прочность существованія самаго государства. Кромѣ того, передъ каждымъ

¹⁾ См. замѣчанія проф. Г. А. Покровскаго объ элементъ страхованія въ правѣ на существованіе.—Право на существованіе, стр. 43.

государствомъ, какимъ бы правовымъ и экономическимъ строемъ оно ни обладало, стоитъ задача насажденія и развитія культуры всеми зависящими отъ него мѣрами. Государство должно устранить причины, влекущія народъ къ одичанію. Насколько это возможно, оно должно бороться съ одной изъ причинъ паденія культуры—нищетою. Къ числу мѣръ, направленныхъ на борьбу съ этимъ зломъ, слѣдуетъ причислить всѣ мѣропріятія государства, содѣйствующія поднятію производительныхъ силъ въ странѣ, мѣропріятія по охранѣ труда и признаніе права на существованіе. Паденіе культуры въ народѣ колеблетъ прочность существованія государства. Указанное выше положеніе—чѣмъ богаче государство, тѣмъ прочнѣе его существованіе—приобрѣтаетъ теперь такой видъ—чѣмъ государство культурнѣе, т.-е. чѣмъ болѣе воплощается въ его учрежденіяхъ неразрывная въ принципѣ связь личнаго и общественнаго начала, тѣмъ прочнѣе его существованіе.

Трудно предугадать во всѣхъ подробностяхъ, во что превратится государственный и общественный строй въ томъ случаѣ, если право на существованіе будетъ осуществлено полностью. И вообще чрезвычайно споренъ вопросъ о томъ, осуществится ли оно когда-нибудь полностью. Дѣло не въ этомъ. Вопросъ теперь заключается въ томъ, какой видъ приобрететъ право на существованіе, если допустить, что институтъ частной собственности останется въ качествѣ главнаго устоя правопорядка. Совершенно вѣрно указываетъ Менгеръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что социальныя стремленія нашего времени направлены къ тому, чтобы, съ одной стороны, до извѣстной степени провести въ жизнь право на существованіе, а съ другой—сохранить въ цѣлости зданіе нашего гражданскаго правового строя ¹⁾. Итакъ, какой видъ приметъ право на существованіе, если оно будетъ признано и вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣйствующемъ правѣ будетъ сохраненъ принципъ частной собственности?

Институтъ частной собственности уменьшаетъ кругъ тѣхъ лицъ, за которыми можно признать право требовать себѣ отъ государства содержаніе. Если данное лицо въ состояніи покрыть издержки на свои и своей семьи потребности, извлекая доходъ изъ имущества, принадлежащаго ему на правѣ собственности или состоящаго у него въ обладаніи на какомъ-либо другомъ

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 21.

правъ, то, несомнѣнно, у него нѣтъ никакихъ основаній притязать на матеріальную поддержку со стороны государства. Онъ жить можетъ безъ государственной помощи, поэтому нѣтъ никакихъ основаній признать за нимъ право на существованіе, въ указанномъ смыслѣ. Кромѣ того, всякій гражданинъ, который, будучи въ состояніи прокормить себя и свою семью собственнымъ трудомъ, заявилъ бы требованіе къ государству о содержаніи, неминуемо долженъ получить отказъ, ибо онъ ищетъ то, что уже имѣеть. Однимъ словомъ, если подъ охраной современнаго частно-правового порядка индивидъ можетъ удовлетворить свою основную потребность—жить, то обязанность государства по отношенію къ нему исчерпана—оно охранило и упрочило тотъ строй, который обезпечилъ гражданину его существованіе. Поэтому только тогда гражданинъ въ правѣ требовать себѣ средствъ къ жизни отъ государства, когда у него ихъ нѣтъ, когда, слѣдовательно, дѣйствующій правопорядокъ, основанный на принципѣ частной собственности, оказался безсиленъ обезпечить за нимъ возможность жить. Итакъ, только гражданамъ, не имѣющимъ возможности поддерживать свое существованіе собственными средствами, доходомъ ли съ имущества или трудомъ, принадлежитъ право потребовать отъ государства, чтобы оно приняло на себя ихъ содержаніе.

Если теперь возвратиться къ конструкціи права на существованіе, предложенной проф. І. А. Покровскимъ, то окажется, что она выработана въ полномъ соответствіи съ основаннымъ на частной собственности правопорядкомъ, совмѣстить съ которымъ надлежитъ право на существованіе. Въ самомъ дѣлѣ, согласно ей, право на существованіе касается лицъ неработающихъ, по неспособности или невозможности, безразлично. Въ качествѣ одного изъ основаній къ обладанію этимъ правомъ введена нетрудоспособность—это большое преимущество конструкціи проф. Покровскаго, ибо, такимъ образомъ, кругъ правомочныхъ лицъ охватываетъ такихъ гражданъ, которые, внѣ всякихъ сомнѣній нуждаются въ поддержкѣ со стороны государства. По отношенію къ трудоспособнымъ, согласно конструкціи проф. Покровскаго, обязанность государства оказывать поддержку устанавливается лишь на случай отсутствія работы, на случай невозможности ее достать. Какъ только трудоспособное лицо достанетъ работу, а вмѣстѣ съ ней возможность жить, то обязанность государства

поддерживать прекращается. Если, слѣдовательно, гражданинъ, будучи трудоспособенъ и имѣя возможность работать у частнаго предпринимателя или у государства, тѣмъ не менѣе не работаетъ, то онъ теряетъ право требовать себѣ отъ государства содержаніе. Неясно, какъ быть государству въ томъ случаѣ, если кто-либо заявляетъ къ нему требованіе о содержаніи, лишившись по своей винѣ работы, какую онъ джѣ имѣлъ, въ то время, когда ее нигдѣ нельзя достать, или по своей же винѣ упустивъ возможность получить работу въ то время, когда другихъ такихъ возможностей не открывается. Должно ли государство въ такихъ случаяхъ платиться за чужую вину? Иначе, какъ отрицательно, отвѣтить на этотъ вопросъ нельзя. Отказать гражданину, не имѣющему работы по своей винѣ, въ выдачѣ содержанія—единственное средство, которымъ располагаетъ современное государство на тотъ случай, если встрѣчается необходимость пресѣчь поползновеніе кого-либо жить на государственнѣй счетъ безъ достаточныхъ основаній. Гражданинъ, по своей винѣ не имѣющій работы, приравнивается къ тому, у кого фактически имѣется заработокъ или какой-либо другой доходъ. Такимъ путемъ, государство, признавъ за неимущими гражданами право на существованіе, въ указанномъ смыслѣ, внѣдряло бы въ сознаніе тѣхъ изъ нихъ, кого прельстила бы праздность, что трудъ—естественное условіе государственной и общественной жизни. Нисколько, наконецъ, не противорѣчитъ конструкции, предложенной проф. Покровскимъ, тотъ выводъ, что правомъ на существованіе, въ указанномъ смыслѣ не обладаютъ тѣ лица, которыя живутъ доходомъ съ своего имущества. Напротивъ, это подразумѣвается.

III. Право на существованіе и современное государство.

Что же дать право на существованіе правомочному лицу? Къ чему сводится его содержаніе?

Въ русской литературѣ даны два отвѣта на этотъ вопросъ. Правомочное лицо можетъ потребовать отъ государства обезпеченія ему достойнаго человѣческаго существованія—такоеъ одинъ отвѣтъ. Это мнѣніе было высказано Владиміромъ Соловьевымъ ¹⁾.

¹⁾ Владиміръ Соловьевъ. Оправданіе Добра. Собр. соч., т. VII, стр. 353—355.

Его поддержалъ проф. П. И. Новгородцев¹⁾. Въ иностранной литературѣ этого мнѣнія придерживается Антонъ Менгеръ,—примѣнительно къ той формѣ, въ какую отождѣляется право на существованіе въ трудовомъ государствѣ²⁾. Правомочное лицо можетъ потребовать отъ государства обезпеченія ему лишь необходимыхъ условий существованія—таковъ другой отвѣтъ. Въ русской литературѣ онъ былъ высказанъ проф. І. А. Покровскимъ³⁾. Въ иностранной литературѣ такого мнѣнія придерживается Антонъ Менгеръ,—примѣнительно къ переходной эпохѣ отъ существующаго нынѣ правового строя къ правовому строю, основанному на началахъ коллективизма⁴⁾. Какой изъ этихъ отвѣтовъ правильнѣе?

Современное народное движеніе проникнуто нравственной идеей достойнаго человѣческаго существованія. Народъ хочетъ жить не такъ, какъ приведетъ судьба, но такъ, какъ, по его воззрѣніямъ, жить надлежитъ. Къ этому стремится весь народъ въ цѣломъ и каждый членъ его въ отдѣльности. Всѣмъ желательно было бы жить, насколько возможно, лучше. Можетъ ли, однако, понятіе достойнаго человѣческаго существованія быть опредѣлено съ такою точностью и ясностью, которыя позволили бы положить его въ основаніе юридической конструкции права на существованіе? Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ силу права на существованіе распредѣленіе благъ должно производиться сообразно человѣческимъ потребностямъ. Но какія, именно, потребности достойны человѣка съ точки зрѣнія права,—въ этомъ состоитъ существо вопроса.

Изъ числа потребностей, заслуживающихъ удовлетворенія, должны быть, несомнѣнно, отменены тѣ, которыя противорѣчатъ нравственности, ибо право не можетъ, проникшись нравственной идеей, брать подъ свою защиту заведомо безнравственные стремленія и потворствовать удовлетворенію безнравственныхъ потребностей. Но если даже признать, что въ каждомъ случаѣ можно установить, какая потребность нравственна, а какая нѣтъ, то тѣмъ не менѣе въ отношеніи прочихъ потребностей, не по-

¹⁾ П. И. Новгородцевъ. Право на достойное человѣческое существованіе. Статья въ ук. выше изд. «Свободное Знаніе», стр. 3—13, особ. стр. 7.

²⁾ А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ, гл. VII, стр. 101—102; 103—104.

³⁾ І. А. Покровскій. Право на существованіе, стр. 35 сл.

⁴⁾ А. Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 18—22.

павшихъ въ число безнравственныхъ, остается большое сомнѣніе въ томъ, какія изъ нихъ подлежатъ удовлетворенію.—Надо думать, что—всѣ. Въдѣ безпредѣльность человѣческихъ стремленій и безконечный ростъ потребностей—именно это отличаетъ человека отъ животнаго, именно, въ этомъ заключается человѣческое достоинство. Поэтому каждый имѣетъ, повидимому, право на удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей. Это его право ограничено такимъ же правомъ другихъ гражданъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждый гражданинъ, просто потому, что онъ представляетъ собою человѣческую личность, имѣетъ право притязать на достойное существованіе. Въ виду его безграничныхъ духовныхъ запросовъ, надлежитъ признать за нимъ право на удовлетвореніе всѣхъ его потребностей, лишь бы онѣ не были безнравственными. Но и всякій другой гражданинъ имѣетъ то же право и на томъ же основаніи. Въ концѣ-концовъ, общее количество продуктовъ, раздѣленное на число всѣхъ гражданъ, покажетъ долю въ немъ cadaго гражданина и опредѣлитъ допустимое содержаніе его требованія. Такимъ образомъ, достоинство человѣческаго существованія въ дѣйствительности опредѣлится счетомъ, мѣрою и вѣсомъ. Такимъ образомъ, мысль о распредѣленіи имущественныхъ благъ между всѣми гражданами поровну вновь воспріимлетъ свою силу. «Каждый хочетъ жить, какъ можно, лучше,—говоритъ Фихте,—и такъ какъ каждый требуетъ этого, какъ человекъ, и такъ какъ никто ни больше, ни меньше человекъ, чѣмъ всякій другой, то въ отношеніи этого требованія всѣ имѣютъ равное право» ¹⁾).

Несомнѣнно, это распредѣленіе должно производить государство. Къ нему обращены всѣ требованія, оно выступитъ въ качествѣ верховнаго судьи, воздающаго каждому свое. Это поведетъ къ сосредоточенію земли, орудій и средствъ производства въ рукахъ государства и къ объявленію всего имущества, подлежащаго раздѣлу, государственнымъ достояніемъ; государство будетъ поставлено въ необходимость создать особые учрежденія для пріема, храненія и распредѣленія продуктовъ, создать новыя чиновничьи должности,—однимъ словомъ, это пересоздастъ весь современный государственный и общественный строй. Правда, опособъ исчисленія той доли продуктовъ, которая приходится

¹⁾ Johann Gottlieb Fichte. Der geschlossene Handelsstaat, гл. I, стр. 18 (по изд. Reclam'a).

каждому гражданину, значительно проще въ томъ случаѣ, когда государство признаетъ за гражданами право на достойное чело-вѣка существованіе, чѣмъ въ томъ, когда оно признаетъ за ними право на полный продуктъ труда, однако, осуществленіе того и другого права требуетъ отъ государства такихъ мѣропріятій,—изъ нихъ лишь нѣкоторыя были тотчасъ указаны,—которыя въ настоящее время ему не подъ силу. Возможны ли они въ буду-щемъ,—вопросъ спорный. Равное распредѣленіе продуктовъ по потребностямъ вызываетъ противъ себя еще одно возраженіе. Потребности не только различны, и поэтому трудно,—скорѣе даже, невозможно,—согласовать между собою различныя при-тязанія и на каждое заявленное притязаніе имѣть наготовѣ къ его удовлетворенію пригодный продуктъ, но не всегда онѣ со-отвѣтствуютъ общественнымъ заслугамъ ихъ обладателей.

Въ связи съ изложеннымъ слѣдуетъ, между прочимъ, отмѣ-тить, что всеобщая обязанность труда и равное распредѣленіе продуктовъ, соотвѣтственно потребностямъ, были выставлены въ Готской программѣ социаль-демократической партіи. «Трудъ есть источникъ возникновенія богатствъ и всякой культуры; а такъ какъ производительный трудъ въ большинствѣ случаевъ только и возможенъ при посредствѣ общества, поэтому плоды этого труда принадлежать всѣмъ членамъ общества, и каждый членъ общества имѣетъ право на равную долю, сообразно разумнымъ своимъ потребностямъ, при чемъ каждый членъ долженъ при-нимать одинаковое участіе въ этомъ общемъ трудѣ». Готская программа (1875 г.) говоритъ о «разумныхъ потребностяхъ». Но какъ бы то ни было право на существованіе въ видѣ права каждаго члена общества на удовлетвореніе его разумныхъ по-требностей въ Готской программѣ было признано ¹⁾. Впрочемъ, если на мѣсто достойныхъ чело-вѣка потребностей поставить «ра-зумныя потребности», то дѣло отъ этого яонѣ не станетъ.

Все это—вопросы болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго. Современный имущественный строй основанъ на принципѣ ча-стной собственности. Въ ближайшемъ будущемъ его отміны не

¹⁾ Къ излож. см. В. Х. Мэллокъ: Соціальное равенство. Перев. съ англ. 1897 г., стр. 67—68, (имѣется и 2-е изд.); Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 100; Фр. Мерингъ. Исторія германской социаль-демократіи. Русск. перев. Г. Б. Борхина и Г. С. Чернявскаго, въ изд. «Просвѣщеніе», вып. 7-й, стр. 112—122 (sine anno).

предвидится. Онъ не обезпечиваетъ существованія всѣхъ гражданъ. Съ такимъ положеніемъ вещей современное правосознаніе не мирится. Передъ государствомъ поставлена задача обезпечить право на существованіе за гражданами, не работающими по неимѣнію работы или по неспособности къ труду. Къ чему же сводится при такихъ условіяхъ содержаніе права на существованіе?

Содержаніемъ этого права ничего другого признать нельзя, какъ обезпеченіе необходимыхъ, насущныхъ потребностей. «Среди всѣхъ потребностей,—говоритъ Антонъ Менгеръ,—особенно важны по своему практическому значенію тѣ, отъ удовлетворенія которыхъ зависитъ поддержаніе существованія каждаго отдѣльнаго лица и которыя поэтому можно назвать потребностями существованія. Эти потребности отличаются болѣе общимъ объективнымъ характеромъ и до извѣстной степени могутъ служить мѣриломъ при распредѣленіи, хотя нельзя не замѣтить, что размѣръ и этихъ потребностей будетъ различаться въ зависимости отъ мѣста и времени. Онѣ являются основой права на существованіе, которое играетъ такую большую роль въ социалистическихъ системахъ всѣхъ временъ» ¹⁾). Конечно, насущныя потребности измѣнчивы. «Но,—совершенно вѣрно отмѣтилъ проф. І. А. Покровскій,—какъ ни измѣняется представленіе о необходимыхъ условіяхъ существованія «въ зависимости отъ мѣста и времени», тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ каждомъ данномъ мѣстѣ и въ каждое данное время безъ особеннаго труда можетъ быть установленъ общепризнанный уровень этихъ условій. Гарантію этого-то общепризнаннаго уровня и должно взять на себя государство» ²⁾).

Отсюда, однако, нельзя сдѣлать того вывода, что идея достойнаго человѣческаго существованія теряетъ всякое значеніе для современной постановки вопроса о правѣ на существованіе. Напротивъ, она имѣетъ силу и теперь, но въ современномъ государствѣ ея значеніе меньше и предѣлы ея дѣйствія уже, чѣмъ въ томъ государствѣ будущаго, о которомъ мечтаютъ многіе мыслители. Противоположность между современной и будущей системой распредѣленія тотъ же Менгеръ описываетъ такимъ образомъ. «Вслѣдствіе того, что наша система собственности

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 21.

²⁾ І. А. Покровскій. Право на существованіе, стр. 36.

основана, главнымъ образомъ, на соотношеніи силъ, она въ своихъ важнѣйшихъ и наиболѣе общихъ чертахъ построена, такимъ образомъ, что прежде всего удовлетворяются потребности властителей и собственниковъ, съ рискомъ оставить массу обездоленныхъ даже безъ средствъ, необходимыхъ для поддержанія существованія, соответствующаго человѣческому достоинству. Напротивъ, въ народномъ трудовомъ государствѣ болѣе утонченныя потребности высшихъ слоевъ населенія будутъ удовлетворяться лишь тогда, когда всѣмъ гражданамъ будетъ обеспечено приличное существованіе. Соціальное движеніе въ продолженіе послѣдняго столѣтія стремилось къ осуществленію этого коренного переворота, наиболѣе крупнаго изъ всѣхъ, къ какимъ когда-либо стремилось человечество» ¹⁾). По смыслу приведенныхъ словъ Менгера, государство со временемъ приметъ на себя обязанность обеспечить гражданамъ образъ жизни, достойный человѣка. Идея достойнаго человѣческаго существованія будетъ положена въ основу распределенія между ними хозяйственныхъ благъ и такимъ путемъ получить значеніе правового начала. Насколько это возможно и возможно ли вообще,—вопросъ чрезвычайно спорный. Въ настоящее время рѣчь идетъ объ обеспеченіи насущныхъ потребностей человѣческаго существованія. Какъ указалъ самъ Менгеръ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, соціальныя стремленія нашего времени направлены къ тому, чтобы, съ одной стороны, до извѣстной степени провести въ жизнь право на существованіе, а съ другой—сохранить въ цѣлости зданіе нашего гражданскаго правового строя ²⁾). Поэтому-то право на существованіе призвано дать извѣстному кругу лицъ лишь удовлетвореніе ихъ насущныхъ потребностей. Нравственная идея достойнаго человѣка существованія въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе только въ качествѣ вспомогательнаго средства къ установленію того уровня, ниже котораго не долженъ падать размѣръ содержанія, предлагаемаго государствомъ нуждающемуся гражданину. Живя на средства государства, гражданинъ не долженъ терять своего человѣческаго обличія, его нельзя низводить на положеніе прирѣзаемаго животнаго—только эта сторона юридически существенна въ нравственной идеѣ достойнаго человѣка

¹⁾ Антонъ Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ, гл. VII, стр. 103—104.

²⁾ Антонъ Менгеръ. Право на полный продуктъ труда, стр. 21.

существованія, если, разумѣется, рѣчь идетъ о примѣненіи этой идеи къ праву на существованіе. Если не принять во вниманіе нравственной идеи достойнаго человѣка существованія, то обязанность государства исчерпывалась бы спасеніемъ бѣдняка отъ голода, какими бы средствами это ни было произведено. Въ идеѣ достойнаго человѣка существованія отражается величіе человѣческаго духа, стремящагося все дальше и дальше, все къ новымъ и новымъ завоеваніямъ во всѣхъ областяхъ жизни и дѣятельности. Воплотить ее въ дѣйствительность полностью, признавъ право на существованіе, современное государство не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, государство, взявъ на себя обязанность доставлять нуждающимся гражданамъ содержаніе, не должно упускать изъ вида этой идеи. Не дѣло государства гасить въ бѣднякахъ, обойденныхъ судьбою, уваженіе къ самимъ себѣ. Но это, несомнѣнно, наступить, если оно, утѣля потребности ихъ тѣла, не будетъ считаться съ тѣмъ, что человѣческое тѣло есть лишь оболочка духа. Государство, назначая размѣръ довольствія и содержанія, должно приспособлять ихъ къ нуждамъ человѣческаго существа. Въ этихъ предѣлахъ идея достойнаго человѣка существованія имѣетъ силу и для разрѣшенія вопроса о правѣ на существованіе въ настоящее время.

Изъ всѣхъ разобранныхъ основныхъ экономическихъ правъ единственно право на существованіе, по своей природѣ, распространяется на всѣхъ гражданъ. Вполнѣ понятное исключеніе устанавливается, по условіямъ времени, для лицъ, живущихъ на доходъ съ своего имущества, и лицъ, живущихъ своимъ трудомъ. Изъ всѣхъ основныхъ экономическихъ правъ, поэтому, право на существованіе одно только обладаетъ признакомъ всеобщности, столь необходимымъ для внесенія единства въ народное правосознаніе. Издавна противоположность между богатствомъ и бѣдностью и, даже больше, противоположность между относительнымъ довольствомъ и нищетою раскалывала народъ на два, сплошь и рядомъ враждебные, лагеря. Этотъ расколъ сказывался и сказывается также на правосознаніи обѣихъ сторонъ. Одна сторона опирается на дѣйствующее право, другая—исполнена увѣренности, что только сила, вырастающая изъ внѣшней организціи, препятствуетъ ея требованіямъ перейти въ рядъ дѣйствующихъ правоположеній, которыя должны замѣнить собою старое право. Требования и пожеланія неимущихъ гражданъ, возникая на

почвъ недовольства своимъ экономическимъ положеніемъ, въ ихъ сознаниіи приобрѣтають видъ правовыхъ домогательствъ. Старому дѣйствующему праву противопоставляется новое право, которое еще не дѣйствуетъ во всемъ народѣ, но которое, по мнѣнію одной части народа, вполне созрѣло для этого—для ней оно «приобрѣло значеніе и смыслъ непреложныхъ правоположеній; стоитъ только, полагаетъ она, пасть преградѣ, какъ эти правоположенія окажутся началами дѣйствующаго правопорядка. Въ народѣ разверзлась пропасть и раздѣлила единое народное правосознаніе. Но право на существованіе перебрасываетъ мостъ черезъ бездну. Въдѣ каждый можетъ очутиться въ положеніи, которое заставитъ его искать поддержки у государства. Поэтому каждый, защищая право на существованіе другого, защищаетъ свое собственное право. Кромѣ того, право на существованіе обезпечиваетъ единственное и самое драгоцѣнное достояніе, которымъ поистинѣ обладаетъ каждый,—это достояніе—жизнь.

Признанное за немущими гражданами право на существованіе, въ связи съ другими мѣропріятіями, направленными на поднятіе народнаго благосостоянія и культуры, тѣснѣ сплотитъ всѣхъ гражданъ на защиту своего государства. Станетъ немислимымъ соображеніе,—чудовищное, съ какой бы стороны къ нему ни подойти,—«пусть непріятель приходитъ, съ меня ему нечего взять! Какой смыслъ умирать мнѣ ради чужой роскоши и богатства?» Такія попытки оправдать свое равнодушіе къ судьбамъ родины въ самыя тяжелыя годы для ней, къ судьбамъ своего государства, существованіе котораго поставлено на карту, будутъ въ корни пресѣчены. Съ паденіемъ государства, обезпечившаго за каждымъ гражданиномъ его существованіе, для всѣхъ гражданъ безъ исключенія изсякнетъ источникъ живой. Если за всѣми гражданами государства, у кого въ томъ имѣется дѣйствительная нужда, будетъ признано право на существованіе, въ указанномъ смыслѣ, то тогда у каждаго будетъ, что взять—это само государство, ибо жизнь каждаго гражданина и бытіе государства нерасторжимыми узами будутъ связаны между собой.

Избавитъ ли гражданъ введеніе права на существованіе отъ борьбы за существованіе? Нѣтъ, нѣ избавитъ, но можетъ дать ей другой, болѣе высокій смыслъ. Въ настоящее время жизнь очень многихъ людей проходитъ въ безысходномъ кругу: они добываютъ себѣ средства къ существованію, чтобы жить, и жи-

вуть, чтобы добывать себѣ средства (къ существованію. Но и за эту неприглядную, безпросвѣтную жизнь люди цѣпляются всѣми силами, ибо, въ самой жизни заключается для нихъ единственное, ничѣмъ не оцѣниваемое благо. Ничего другого у нихъ нѣтъ. Отсюда—ужасный выводъ: «не до жиру, быть бы живу». Постоянно видя передъ глазами призракъ голодной смерти, люди начинаютъ утверждать первенство чечевичной похлебki надъ духовными благами. Они какъ бы смиряются передъ рокомъ. Но тупая покорность судьбѣ—не удѣлъ человѣка. Человѣческая природа такова, что люди не могутъ жить безъ надеждъ на свѣтлое будущее и безъ размышленій надъ причинами своего бѣдственнаго положенія въ настоящемъ. Подъ наружно спокойной поверхностью идетъ незримая работа мысли, работа темная и несвязная; но идетъ. Достаточно какого-либо даже незначительнаго повода, какъ скрытое недовольство обездоленныхъ судьбою и некультурныхъ людей, незамѣтное для посторонняго глаза, прорывается наружу. И тогда—горе культурѣ! Не отдавая себѣ отчета въ высшемъ назначеніи человѣка, не зная истинныхъ причинъ своего бѣдствія и средствъ къ его исправленію, бѣднота яростно нападаетъ на всякаго, кто только по виду не таковъ, какъ она. Ничему нѣтъ площади,—ни учрежденіямъ, ни лицамъ, ни, тѣмъ менѣе, вещамъ, въ которыхъ воплощается иногда вѣковая культурная работа... Право на существованіе дать людямъ нѣкоторую опору для ихъ мирной борьбы за существованіе; мирными путями и средствами. Борьба получить болѣе высокій, болѣе человѣческій смыслъ борьбы за условія лучшей жизни. Сама жизнь будетъ обезпечена. Когда всякій знаетъ, что потребности его существованія обезпечены ему его государствомъ, то онъ изъяснить свое согласіе только на такую работу, которая принесетъ ему, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько предлагаетъ ему государство, и государство, съ своей стороны, не въ правѣ отказать въ поддержкѣ тому, кто не смогъ, при всемъ своемъ стараніи, найти работу съ оплатой, достаточной для покрытія тѣхъ его нуждъ, которыя оно само признало за насущныя. Борьба за существованіе будетъ поставленъ, такимъ образомъ, опредѣленный предѣлъ.

Даровое содержаніе, положенное государствомъ въ пользу неимущихъ гражданъ, само по себѣ не спасетъ государство отъ смутъ и волненій, какъ не спасла отъ нихъ Римъ бесплатная

раздача хлѣба. Попутно съ признаніемъ права на существованіе, въ установленномъ смыслѣ, государство должно всѣми силами, состоящими у него въ распоряженіи, содѣйствовать развитію земледѣлія, промышленности и торговли, уничтожая всѣ излишнія стѣсненія, наложенныя на экономическій оборотъ полицейскимъ строемъ, широко вмѣшиваясь вмѣстѣ съ тѣмъ въ экономическую жизнь тамъ, гдѣ это нужно, внося твердыя правовыя начала въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, заботясь о подготовкѣ профессионально-образованныхъ работниковъ, — однимъ словомъ, мѣропріятія государства должны быть направлены къ увеличенію богатства народа. Народное благосостояніе и внутренній миръ достигаются трудомъ и культурой. Повышеніе народнаго благосостоянія, кромѣ того, необходимо для введенія самого права на существованіе, ибо введеніе этого права сопряжено съ большими издержками. Необходимо, слѣдовательно, создать источники для ихъ покрытія. Безъ этого никакимъ образомъ нельзя ввести права на существованіе.

Защита права на существованіе, приводящая къ глубокимъ измѣненіямъ во взглядахъ на задачи и границы дѣятельности государства, получаетъ правильную постановку только тогда, когда не предается забвенію высшее назначеніе челоуѣка. Оно было указано Гумбольдтомъ, — и въ этомъ, несмотря на односторонніе выводы, которые онъ отсюда сдѣлалъ, его большая заслуга, — это свободное и гармоничное развитіе всѣхъ силъ челоуѣка въ одно цѣлое. Для государства важно обезпечить не жизнь «людей маленькихъ», а свободную жизнь гражданъ. Только подъ условіемъ свободы полна жизнь челоуѣка. Въ условіяхъ личной, политической и общественной свободы должна протекать его жизнь. Жизнь — предпосылка свободы. Поэтому государство должно поставить своей задачей обезпечить гражданамъ ихъ существованіе, поэтому оно должно обезпечить и охранять ихъ свободу. Домогаясь улучшенія своего матеріальнаго положенія, личность стремится сбросить съ себя экономическій гнетъ. Но для чего? Неужели только для того, чтобы въ достаткѣ имущественныхъ средствъ увидѣть вѣнецъ своихъ вождѣленій? Нѣтъ, не для этого. Избавленіе отъ экономическаго гнета, къ чему издавна направлены были помыслы подавленныхъ судьбою людей

и въ чемъ они склонны усматривать свободу, на самомъ дѣлѣ есть лишь первая ступень къ пріобрѣтенію личностью свободы въ полномъ смыслѣ этого слова. Могучее всестороннее развитіе духовныхъ силъ личности—такова должна быть цѣль ея домогательствъ. Свобода во всѣхъ ея видахъ—для этого необходимое условіе. Избавленіе отъ гнета экономическихъ бѣдствій есть лишь средство къ полному водворенію истинной свободы. Свобода и, соответственно, равноправіе—эти идеи Великой Французской Революціи никогда не теряютъ своей власти надъ человекомъ.

Нравственная идея достойнаго человѣка существованія даетъ однако понятію свободы новое содержаніе. Прекрасныя замѣчанія по поводу новѣйшаго пониманія свободы сдѣлалъ бывшій англійскій министръ Асквиль. «Сама по себѣ свобода, подобно очень многимъ кличамъ въ вѣковой борьбѣ партій, понятіе, которое расширяется по мѣрѣ того, какъ въ него вкладывается новое содержаніе; каждое же поколѣніе вкладываетъ въ него новое и болѣе обширное содержаніе. Такъ, для пионеровъ политической реформы понятіе свободы было символомъ сопротивления и почти отрицанія,—подъ нею разумѣлось сверженіе цѣпей, освобожденіе личности и общества отъ юридической и гражданской неправопоспособности»... «Но, по мѣрѣ того какъ пріобрѣтались и опытъ, и большая зрѣлость сужденій, пришли къ заключенію, что свобода въ политическомъ смыслѣ, не только отрицательное, но и положительное понятіе. Нельзя утверждать, что личность или общество въ самомъ дѣлѣ свободны потому только, что они не находятся подъ игомъ ограниченій, санкціонированныхъ положительнымъ закономъ: дѣйствительная свобода заключается для насъ въ возможности использовать наилучшимъ образомъ свои способности, благоприятныя обстоятельства, свою энергію, иначе—самую жизнь» ¹⁾. Ясно, что использовать свою жизнь наилучшимъ образомъ человекъ можетъ лишь достойнымъ человекомъ образомъ. Не иначе.

Замѣчательно, что въ отличіе отъ прежняго либерализма, приверженнаго къ началу свободы въ его одностороннемъ пониманіи, какъ начала, исключашаго политическій—въ самомъ

¹⁾ Herbert Samuel. Либерализмъ. Опытъ изложенія принциповъ и программа современнаго либерализма въ Англіи. Русск.перев. 1905 г. Введеніе Н. Н. Asquith'a, стр. XXXVIII, XXXIX.

широкомъ смыслѣ этого слова—гнетъ надъ личностью, современный либерализмъ все болѣе и болѣе проникается идеей достойнаго человѣка существованія. Вотъ что замѣчаетъ Самуель, одинъ изъ видныхъ представителей англійскаго либерализма, въ сочиненіи, излагающемъ принципы и программы современного либерализма въ Англіи. «Какъ бы въ другихъ отношеніяхъ ни расходились проповѣдники всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, съ одной, и представители всѣхъ главныхъ школъ современной философіи—съ другой стороны, они сходятся, по крайней мѣрѣ, въ одномъ: что обязанность каждаго человѣка самому вести по мѣрѣ силъ и помогать другимъ вести такую жизнь, которую можно было бы признать наилучшею. Къ какой бы вѣрѣ, къ какой бы школѣ человѣкъ ни принадлежалъ, онъ не можетъ отрицать этого закона. Но если это—долгъ личности, то долгъ общества—помогать какъ своимъ собственнымъ членамъ, такъ и другимъ, на которыхъ распространяется его вліяніе, вести достойную человѣка жизнь, потому что нельзя представить себѣ общества, преслѣдующаго цѣль, отличную отъ той, которую преслѣдуютъ отдѣльные члены, его составляющіе. А если такова цѣль общества, то такова же должна быть цѣль и государства, такъ какъ государство—не что иное, какъ то же общество, которое организовалось для совмѣстной дѣятельности». «Несмотря... на то, что программа мѣняется и практическія стремленія либераловъ каждаго даннаго поколѣнія разнятся отъ стремленій предшествующаго имъ поколѣнія, коренныя идеи, лежащія въ основѣ всѣхъ программъ либерализма,—доктрина, что государство существуетъ для того, чтобы облегчить людямъ возможность вести достойное человѣка существованіе; вѣра въ то, что государство, въ числѣ другихъ учреждений, можетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, облегчить бремя бѣдности и возможность жить по-человѣчески: эти основныя идеи не преходящи и, во всякомъ случаѣ, не скоро измѣнятся» ¹⁾. Въ приведенныхъ словахъ Самуеля важно содержащееся въ нихъ указаніе на то, что современный либерализмъ въ основаніе своей программы полагаетъ идею достойнаго человѣка существованія. Но если это такъ, то между либералами и социалистами можетъ быть найденъ, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, общій языкъ.

¹⁾ Herbert Samuel. Либерализмъ, стр. 6, 43.

Социализму, несомнѣнно, присущи нѣкоторыя черты религіознаго ученія, а значительной части его приверженцевъ — нетерпимость, напоминающая вѣроисповѣдную нетерпимость религіозныхъ сектъ ¹⁾. Но если социалисты перестанутъ смотрѣть на себя, какъ на ревнителей особаго земного благочестія, недоступнаго для инаковѣрующихъ, то исчезнутъ основанія къ рѣзкому противопоставленію, по крайней мѣрѣ, въ области практической работы, задачъ социализма и либерализма; ибо, что касается до либерализма, то онъ далеко ушелъ отъ односторонняго пониманія задачъ государственной дѣятельности, свойственнаго ему прежде; что же касается до социализма, то и здѣсь обнаруживается измѣненіе во взглядахъ на значеніе государства въ дѣлѣ устрѣенія народной жизни. Поэтому нѣтъ основаній у социалистовъ разъ навсегда отказываться отъ совместной работы съ либералами и наоборотъ. Въ будущемъ, вѣроятно, сотрудничество представителей обоихъ теченій общественной мысли станетъ явленіемъ зауряднымъ. Политическое изувѣрство, въ чемъ бы и гдѣ бы оно ни проявлялось, съ теченіемъ времени, надо думать, ослабнетъ, если не совсѣмъ исчезнетъ.

Только въ государствѣ личность найдетъ удовлетвореніе своимъ стремленіямъ къ жизни и свободѣ. Но государство не мыслимо безъ правопорядка и уваженія къ нему со стороны всѣхъ и каждаго. Всякое насильственное самовольное дѣйствіе есть нападеніе на право—основу государства. Правопорядокъ долженъ быть преобразованъ, если въ немъ имѣются несовершенства, но не расшатанъ или съ корнемъ уничтоженъ, ибо подъ его обломками будетъ погребено государство, а вмѣстѣ съ нимъ и личность съ ея надеждами. Хранить идею права и государство—такова обязанность борцовъ за жизнь и свободу.

Въ основаніе современнаго правопорядка положенъ институтъ частной собственности. Нельзя отрицать несовершенство этого института. Но нападки на него не должны касаться личности собственниковъ и ихъ приобрѣтенныхъ правъ. Уваженіе къ приобрѣтенной законными путями частной собственности есть уваженіе къ правопорядку, совершенно независимо отъ того, близокъ

¹⁾ Религіозный характеръ социализма настойчиво подчеркиваетъ итальянскій ученый Пероцци (Silvio Perozzi) въ своей статьѣ «Socialismo giuridico». Scientia (Rivista di scienza). 1911 г., ч. X, № XIX—3, стр. 143—170. Не со всѣми доводами и выводами Пероцци, изложенными съ названной статьѣ, можно согласиться.

или далека самъ правопорядокъ къ совершенству, есть уваженіе къ идеѣ права, передъ которой надлежитъ преклониться, не взирая на недостатки въ формахъ ея мѣстнаго и временнаго воплощенія. Поэтому, если зайдетъ рѣчь объ отчужденіи частной собственности, то произвести отчужденіе можетъ только государство въ силу надлежащаго постановленія и черезъ своихъ должностныхъ лицъ, подъ непремѣннымъ условіемъ справедливаго вознагражденія собственниковъ,—государство, слѣдовательно, проведетъ отчужденіе въ видѣ выкупа. Не слѣдуетъ, кромѣ того, упускать изъ вида, что начала личной, политической и общественной свободы и равноправія стали основой правопорядка лишь благодаря развитію института частной собственности. Задачу ограждать свободу и равноправіе отъ посягательствъ на нихъ, съ чьей бы стороны эти посягательства ни шли, институтъ частной собственности выполняетъ и теперь. Кто предскажетъ, по истеченіи какого времени институтъ частной собственности перестанетъ ее выполнять?..

Настоящій очеркъ былъ начать съ воспоминаній прошлаго. Позволительно будетъ закончить его тѣмъ же. Добившись изгнанія Цицерона, рассказываетъ Плутархъ, Клодій—этотъ предводитель римской городской черни—приказалъ сжечь его виллы, сжечь и его домъ и построить на ихъ мѣстѣ храмъ Свободы. Разсказъ знаменателенъ. Свобода, заключенная въ каменную ограду на мѣстѣ грабежа и насилій, идолъ вмѣсто божества—таковы предметы поклоненія разнузданной черни. Не съ ея дѣйствій свободолобивому народу брать себѣ примѣръ. Народъ этотъ чтить свою свободу повсюду, гонитъ отъ себя прочь призывы къ безчинству и, не покладая рукъ, трудится надъ укрѣпленіемъ мощи государства—этого вѣрнаго залога всеобщей свободы и благоденствія.

Москва. Июль 1917 г.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„НАРОДОПРАВСТВО“.

Въ первыхъ номерахъ напечатаны статьи и очерки слѣдующихъ авторовъ:

Проф. Н. Н. Алексѣева, Д. Аркина, Н. А. Бердяева, Г. Вильямса, проф. Б. П. Вышеславцева, В. Дороватовской, А. А. Евдокимова, Бор. Зайцева, проф. В. В. Зѣньковского, Н. М. Юрданскаго, прив.-дон. Ю. В. Ключникова, С. С. Кондурушкина, Е. Коровина, Бориса Кремнева, В. Муравьева, В. В. Островскаго, А. Пойминова, М. Пришвина, Алексѣя Ремизова, Петра Рысса, проф. А. А. Рождественскаго, Б. Савинича, пр.-доп. А. Саккети, проф. М. Н. Соболева, свящ. С. М. Соловьева, проф. Е. Спекторскаго, гр. Алексѣя Н. Толстого, проф. В. М. Устинова, прап. Ушакова, проф. М. И. Фридмана, пр.-доц. Н. Н. Фиолетова, Георгія Чулкова и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На двѣнадцать номеровъ—5 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 50 к. Общественныя демократическія организаціи пользуются льготными условіями.

Адресъ конторы: Москва. Б. Дмитровка. д. 13, кв 18.

Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи: Москва. Смоленскій бул., д. 8. Телеф. 4-27-29 и 61-03.

Издательство „КОРАБЛЬ“.

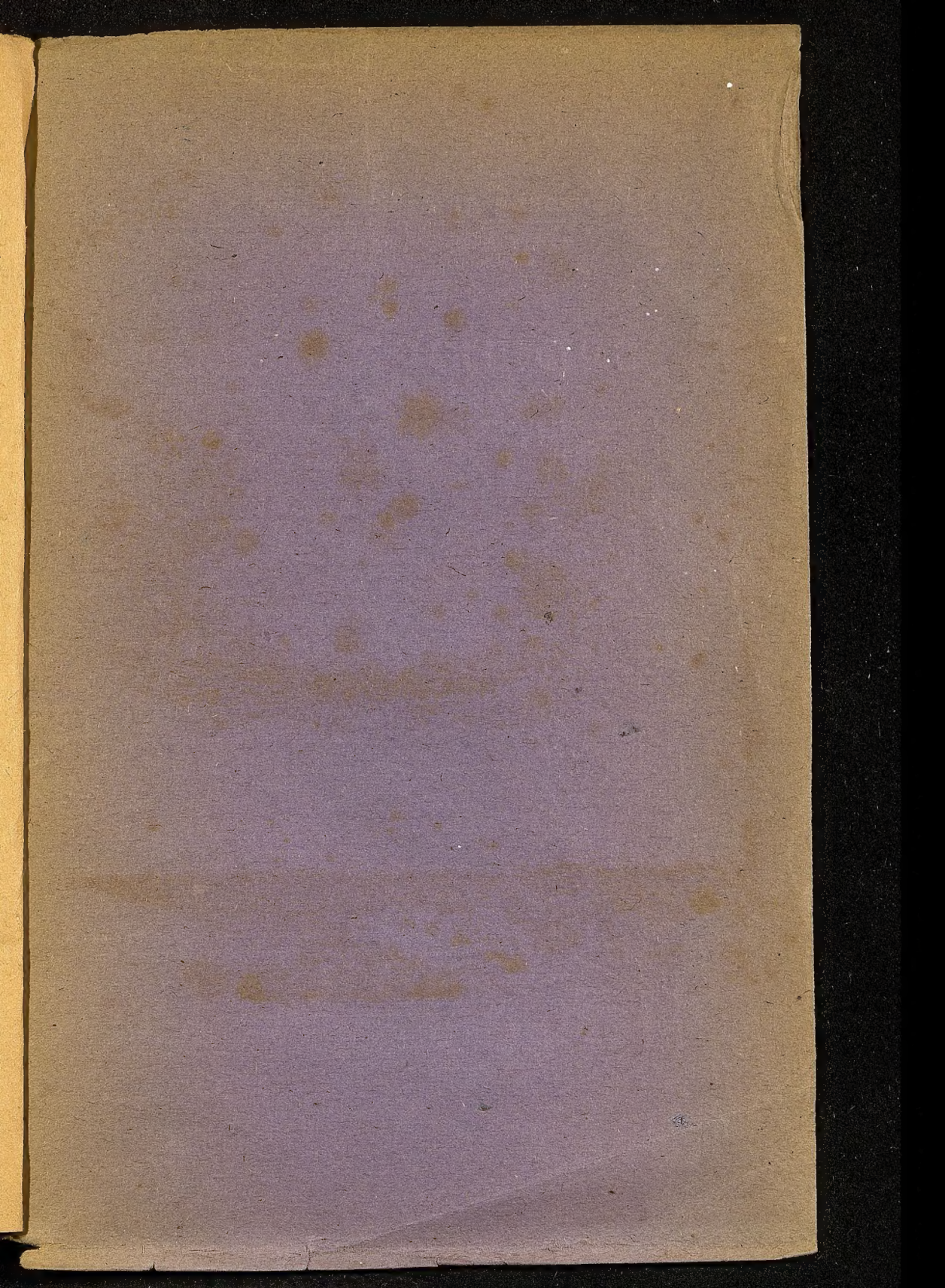
А. Вѣтровъ. Во что сегодня вѣрить Германія? Ц. 65 к.

А. В. Карташевъ. Реформа, реформація и исполненіе церкви.
Ц. 1 р. 25 к.

Д. С. Мережковский. Зачѣмъ Воскресъ? Религіозная личность и общественность. Ц. 40 к.

Георгій Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. Ц. 65 к.

Москва. Складъ Московской Просвѣтительной Комиссіи.
Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

Б. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96.

БРОШЮРЫ и КНИГИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ проф. Н. Н. АЛЕКСѢВА.

1. Пр.-доц. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція. (Португалія). Ц. 40 коп.
2. Пр.-доц. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскихъ Учредительныхъ Собранія 1613 и 1917 г. Ц. 40 коп.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 коп.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 коп.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 коп.
6. А. ОГЛИНЪ. Армія въ демократическомъ государствѣ. Ц. 30 коп.
7. Проф. Н. Н. АЛЕКСѢВЪ. Что такое социализмъ? (Готовится къ печати).
8. Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ. (Готовится къ печати).
9. Б. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ Смутное время. Ц. 75 к.
10. Пр.-доц. С. Ф. КЕЧЕКЪЯНЪ. Что такое свобода? Ц. 40 к.
11. Проф. Е. В. СПЕКТОРСКИЙ. Что такое конституція? Ц. 30 коп.
12. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа. Ц. 40 коп.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакунинъ и бунтари 1917 г. Ц. 30 коп.
14. Проф. А. С. ЯЦЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи? Ц. 40 коп.
15. Пр.-доц. Н. Н. ФІОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 коп.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Бесѣда о войнѣ. Ц. 30 коп.
17. Проф. Н. М. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 30 коп.
18. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Пропорціональные выборы. Ц. 30 к.
19. Проф. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. Ученіе объ Учредительномъ Собраніи. Ц. 30 коп.
20. Проф. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика. Ц. 60 коп.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія. Ц. 30 коп.
22. Н. Ф. ЕЗЕРСКИЙ. Чего хотятъ нѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками? Ц. 40 коп.
23. ВЛ. ОСТРОВСКИЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 коп.
24. В. БАЙКОВЪ. Страхование отъ безработицы. Ц. 30 коп.
25. Проф. С. Н. БУЛГАКОВЪ. Христіанство и социализмъ. Ц. 50 коп.
26. Свящ. СЕРГІЙ СОЛОВЬЕВЪ. Вопросъ о соединеніи церквей въ связи съ паденіемъ самодержавія. Ц. 40 коп.
27. А. ПОЙМИНОВЪ. Англійская революція XVII вѣка. Ц. 1 р. 50 к.
28. СЕРГІЙ ГЕССЕНЪ. Политическія идеи жирондистовъ. Ц. 1 руб.
29. МОРИСЪ ДОНЗЕЛЬ. Парижская коммуна. Цѣна 1 руб.
30. Проф. В. В. ЗЪНЬКОВСКИЙ. Соціальное воспитаніе. Ц. 1 р. 75 к.
31. Проф. Б. В. ЧРЕДИНЪ. Народное государство и основныя экономическія права. Ц. 2 р. 25 к.

Тип. Т-ва Рябушннскихъ. Москва.